

Savinkov, Boris Viktorovich
Kon Bliednyi

В. Ропшино

Конь Бубонный

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

В. РОПШИНЪ.

Конь Блѣдный

Книгоиздательство М. А. Туманова

НИЦЦА

1913 г.

PG

3470

S3K6

„ . . . И вотъ конь блѣдный и на немъ всадникъ, которому имя смерть; и адъ слѣдовалъ за нимъ . . . “

Откр. 6, 8.

„ Кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ, и во тьмѣ ходить, и не знаетъ, куда идетъ, ибо тьма ослѣпила ему глаза “.

Иоан. II, 11.

6 марта.

Вчера вечеромъ я пріѣхалъ въ Москву. Она все та же. Горятъ кресты на церквахъ, визжатъ по снѣгу полозья. По утрамъ морозъ, узоры на окнахъ, и у Страстного монастыря звонятъ къ обѣднѣ. Я люблю Москву. Она мнѣ родная.

У меня паспортъ съ красной печатью англійскаго короля и съ подписью лорда Ландседоуна. Въ немъ сказано, что я, Великобританскій подданный Джорджъ О'Бріенъ, отправляюсь въ путешествіе по Турціи и Россіи. Въ русскихъ участкахъ ставятъ штампель „туристъ“.

Въ гостинницѣ все знакомо до скуки: швейцаръ въ синей поддевкѣ, золоченныя зеркала, ковры. Въ моемъ номерѣ потертый диванъ, пыльные занавѣски. Подъ столомъ три кило динамита. Я привезъ ихъ съ собою изъ-за границы. Динамитъ сильно пахнетъ аптекой и у меня по ночамъ болитъ голова.

Я сегодня пойду по Москвѣ. На бульварахъ темно, мелкій снѣгъ. Гдѣ-то поютъ куранты. Я одинъ ни души. Передо мною мирная жизнь, забыты люди. А въ сердцѣ святые слова:

„Я дамъ тебѣ звѣзду утреннюю“.

8 марта.

У Эрны голубые глаза и тяжелыя косы. Она робко жметя ко мнѣ и говорить:

— Вѣдь ты меня любишь немножко?

Когда то, давно, она отдалась мнѣ, какъ королева: не требуя ничего и ни на что не надѣясь. А теперь, какъ нищенка, просить любви. Я смотрю въ окно на бѣлую площадь.

Я говорю:

— Посмотри, какой нетронутый снѣгъ.

Она опускаетъ голову и молчитъ.

Тогда я говорю:

— Я вчера былъ въ Сокольникахъ. Тамъ снѣгъ еще чище. Онъ розовый. И синія тѣни березъ.

Я читаю въ ея глазахъ:

— Ты былъ безъ меня.

— Послушай, — говорю я опять, — ты была когда-нибудь въ русской деревнѣ?

Она отвѣчаетъ:

— Нѣтъ.

— Ну, такъ ранней весной, когда на поляхъ уже зеленѣетъ трава и въ лѣсу зацвѣтаетъ поденѣжникъ, по оврагамъ лежитъ еще снѣгъ. И странно: бѣлый снѣгъ и бѣлый цвѣтокъ. Ты не видѣла? Нѣтъ? Ты не поняла? Нѣтъ?

И она шепчетъ:

— Нѣтъ.

А я думаю объ Еленѣ.

9 марта.

Генераль-Губернаторъ живетъ у себя во дворцѣ.

Кругомъ шпионы и часовые. Двойная ограда штыковъ и нескромныхъ взглядовъ.

Насъ немного: пять человекъ. Федоръ, Валя и Генрихъ — извошники. Они непрерывно слѣдятъ за нимъ и сообщаютъ мнѣ свои наблюденія. Эрна химикъ. Она приготовитъ снаряды.

У себя за столомъ я по плану черчу пути. Я пытаюсь воскресить его жизнь. Въ залахъ дворца мы вмѣстѣ встрѣчаемъ гостей. Вмѣстѣ гуляемъ въ саду, за рѣшеткой. Вмѣстѣ прячемся по ночамъ. Вмѣстѣ молимся Богу.

Я его видѣлъ сегодня. Я ждалъ его на Тверской. Я долго бродилъ по замерзшему троттуару. Падаль вечеръ, былъ сильный морозъ. Я уже потерялъ надежду. Вдругъ на углу приставъ махнулъ перчаткой. Городовые вытянулись во фронтъ, сыщики заметались. Улица замерла.

Мимо мчалась карета. Черные кони. Кучеръ съ рыжею бородою. Ручка дверецъ изгибомъ, желтыя спицы колесъ. Слѣдомъ сани, — охрана.

Въ быстромъ бѣгѣ я едва различилъ его. Онъ не увидѣлъ меня: я былъ для него улицей.

Счастливый, медленно я вернулся домой.

10 марта

Когда я думаю о немъ, у меня нѣтъ ни ненависти, ни злобы. У меня нѣтъ и жалости. Я равнодушенъ къ нему. Но я хочу его смерти. Я знаю: его необходимо убить. Необходимо для террора и революціи. Я вѣрю, что сила ломитъ солому, не вѣрю въ слова. Если бы я могъ, я бы убилъ всѣхъ

начальниковъ и правителей. Я не хочу быть рабомъ. Я не хочу, чтобы были рабы.

Говорять, нельзя убивать. Говорять еще, что министра можно убить, а революціонера нельзя. Говорять и наоборотъ.

Я не знаю, почему нельзя убивать. И я не пойму никогда, почему убить во имя свободы хорошо, а во имя самодержавія дурно.

Помню, — я былъ въ первый разъ на охотѣ. Краснѣли поля гречихи, падала паутина, молчалъ лѣсъ. Я стоялъ на опушкѣ, у изрытой дождемъ дороги. Иногда шептались березы, пролетали желтыя листья. Я ждалъ. Вдругъ непривычно колыхнулась трава. Маленькимъ сѣрымъ комочкомъ изъ кустовъ выбѣжалъ заяцъ и осторожно присѣлъ на заднія лапки. Озирался кругомъ. Я, дрожа, поднялъ ружье. По лѣсу прокатилось эхо, синій дымъ растаялъ среди березъ. На залитой кровью, побурѣвшей травѣ бился раненый заяцъ. Онъ кричалъ, какъ ребенокъ плачетъ. Мнѣ стало жалко его. Я выстрѣлилъ еще разъ. Онъ умолкъ.

Дома я сейчасъ же забылъ о немъ. Будто онъ никогда и не жилъ, будто не я отнял у него самое цѣнное — жизнь. И я спрашиваю себя: почему мнѣ было больно, когда онъ кричалъ? Почему мнѣ не было больно, что я для забавы убилъ его?

11 марта.

Федоръ кузнецъ, бывшій рабочій съ Прѣсни. Онъ въ синемъ халатѣ, въ извощичьемъ картузѣ. Сосетъ съ блюдечка чай.

Я говорю ему:

— Ты былъ въ декабрѣ на баррикадахъ?

— Я то? Я въ домѣ сидѣлъ.

— Въ какомъ домѣ?

— А въ школѣ, въ городской, то-есть.

— Зачѣмъ?

— Въ резервѣ я былъ. Двѣ бомбы держалъ.

— Значить, ты не стрѣлялъ?

— Какъ вѣтъ? Стрѣлялъ.

— Такъ ты расскажи.

Онъ машетъ рукой.

— Да что... Артиллерія пришла. Стали въ насъ изъ пушекъ палить.

— А вы?

— Ну и мы... Изъ пушекъ мы, говорю, палили. Сами на заводѣ дѣлали. Маленькія, вотъ съ этотъ столикъ, а бьютъ хорошо. Человѣкъ пятнадцать мы изъ нихъ положили... Ну, тутъ скоро шумъ большой вышелъ. Потолокъ бомбой пробилъ, человѣкъ восемь нашихъ взорвало.

— А ты что?

— Я? Что жъ я? Я главнѣе въ резервѣ былъ. Вуглѣ съ бомбами находился... А потомъ приказъ вышелъ.

— Какой приказъ?

— Отъ комитета приказъ: уходить. Ну, мы видимъ: дѣла хотъ закуривай. Подождали малое время, ушли.

— Куда жъ вы ушли?

— Въ нижній этажъ ушли. Тамъ ловчѣе стрѣлять было.

Онъ говоритъ неохотно. Я жду.

— Да, продолжаетъ онъ, помолчавъ, — была тутъ одна... со мной солидарная... вродѣ будто жена.

— Ну?

— Ну, ничего... Убили ее казаки.

За окномъ гаснетъ день.

13 марта.

Елена замужемъ. Она живетъ здѣсь, въ Москвѣ. Я ничего больше не знаю о ней. По утрамъ, въ свободные дни, я брожу по бульвару, вокругъ ея дома. Пушится иней, хруститъ подъ ногами снѣгъ. Я слышу, какъ медленно бьютъ на башнѣ часы. Уже 10 часовъ. Я сажусь на скамью, терпѣливо считаю время. Я говорю себѣ: я не встрѣтилъ ее вчера, я встрѣчу ее сегодня.

Годъ назадъ я впервые увидѣлъ ее. Я весной былъ проездомъ въ N и утромъ ушелъ въ паркъ, большой и тѣнистый. Надъ мокрой землей вставали крѣпкіе дубы, стройные тополя. Было тихо, какъ въ церкви. Даже птицы не пѣли. Только журчалъ ручей. Я смотрѣлъ въ его струи. Въ брызгахъ сверкало солнце. Я слушалъ голосъ воды. Я поднималъ глаза. На другомъ берегу въ зеленой сѣткѣ вѣтвей стояла женщина. Она не замѣчала меня. Но я уже зналъ: она слышитъ то, что я слышу.

Это была Елена.

14 марта.

Я у себя въ комнатѣ. Наверху, надо мной, тихо

звешить фортепьяно. Шаги тоуютъ въ мягкомъ коврѣ.

Я привыкъ къ нелегальной жизни. Привыкъ къ одиночеству. Я не хочу знать будущаго. Я стараюсь забыть о прошедшемъ. У меня нѣтъ родины, нѣтъ имени, нѣтъ семьи. Я говорю себѣ:

Un grand sommeil noir
Tombe sur ma vie,
Dormez, tout espoir,
Dormez, tout envie.

Но вѣдь надежда не умираетъ. Надежда на что? На „звѣзду утреннюю“? Я знаю: если мы убили вчера, то убьемъ и сегодня, неизбежно убьемъ и завтра. „Третій ангелъ вылилъ чашу свою въ рѣки и источники водъ и слѣлалась кровь“. Ну, а кровь водой не зальешь и огнемъ не выжжешь. Съ нею, — въ могилу.

Je ne voit plus rien,
Je perds la mémoire
Du mal et du bien,
O, la triste histoire!

Счастливъ, кто вѣритъ въ воскресеніе Христа, въ воскресеніе Лазаря. Счастливъ также, кто вѣритъ въ социализмъ, въ грядущій рай на землѣ. Но мнѣ смѣшны эти старыя сказки, и 15 десятинъ раздѣленной земли меня не прельщаютъ. Я сказалъ: я не хочу быть рабомъ. Неужели въ этомъ моя свобода... И зачѣмъ мнѣ она? Во имя чего я иду на убійство? Во имя террора, для революціи? Во имя крови, для крови?...

Je suis un berceau,
Qu'une main balance
Au creux d'un caveau
Silence, silence...

17 марта.

Я не знаю, почему я иду въ терроръ, но знаю, почему идутъ многіе. Генрихъ убѣжденъ, что такъ нужно для побѣды социализма. У Федора убили кену. Эрна говоритъ, что ей стыдно жить. Ваня... Но пусть Ваня скажетъ самъ за себя.

Наканунѣ онъ возилъ меня цѣлый день по Москвѣ. Я назначилъ ему свиданіе у Сухаревки, въ скверномъ трактирѣ.

Онъ пришелъ въ высокихъ сапогахъ и поддевкѣ. У него теперь борода и волосы острижены въ скобку. Онъ говоритъ:

— Послушай, думалъ ты когда-нибудь о Христѣ?

— О комъ? — переспрашиваю я.

— О Христѣ? О Богочеловѣкѣ Христѣ?... Думалъ ли ты, какъ вѣровать и какъ жить? Знаешь, у себя во дворѣ я часто читаю Евангеліе и мнѣ кажется есть только два, всего два пути. Одинъ, — все позволено. Понимаешь ли: все. И тогда — Смердяковъ. Если, конечно, смѣть, если на все рѣшиться. Вѣдь если нѣтъ Бога и Христосъ чело-вѣкъ, то нѣтъ и любви, значитъ нѣтъ ничего... И другой путь, — путь Христовъ... Слушай, вѣдь если любишь, много, по настоящему любишь, то и убить тогда можно. Вѣдь можно?

Я говорю:

— Убить всегда можно.

— Нѣтъ, не всегда. Нѣтъ, — убить тяжкій грѣхъ. Но вспомни: нѣтъ больше той любви, какъ если за други своя положить душу свою. Не жизнь, а душу. Пойми: нужно крестную муку привять, нуж-

но изъ любви, для любви на все рѣшиться. Но непремѣнно, непремѣнно изъ любви и для любви. Иначе, — опять Смердяковъ, то есть путь къ Смердякову. Вотъ я живу. Для чего? Можетъ быть для смертнаго моего часа живу. Молюсь: Господи, дай мнѣ смерть во имя любви. А объ убійствѣ, вѣдь, не помолишься. Убьешь, а молиться не станешь... И, вѣдь, знаю: мало во мнѣ любви, тяжелъ мнѣ мой крестъ.

— Не смѣйся, — говоритъ онъ черезъ минуту, — зачѣмъ и надъ чѣмъ смѣешься? Я Божьи слова говорю, а ты скажешь: бредъ. Вѣдь, ты скажешь, ты скажешь: бредъ?

Я молчу.

— Помнишь, Іоаннъ въ Откровеніи сказалъ: „Вѣ тѣ дни люди будутъ искать смерти, но не найдутъ ее, пожелаютъ умереть, но смерть убѣжитъ отъ нихъ“. Что же, скажи, страннѣе, если смерть убѣжитъ отъ тебя, когда ты будешь звать и искать ее? А ты будешь искать, всё мы будемъ искать. Какъ прольешь кровь? Какъ нарушишь законъ? А проливаемъ и нарушаемъ. У тебя нѣтъ закона, кровь для тебя — вода. Но слушай же меня, слушай: будетъ день, вспомнишь эти слова. Будешь искать конца, не найдешь: смерть убѣжитъ отъ тебя. Вѣрую во Христа, вѣрую. Но я не съ нимъ. Недостойнъ быть съ нимъ, ибо въ грязи и крови. Но Христосъ, въ милосердіи своемъ, будетъ со мною.

Я пристально смотрю на него. Я говорю:

— Такъ не убій. Уйди изъ террора.

Онъ блѣднѣетъ:

— Какъ можешь ты это сказать? Какъ смѣ-
ешь? Вотъ я иду убивать, и душа моя скорбитъ
смертельно. Но я не могу не убить, ибо люблю.
Если крестъ тяжель, — возьми его. Если грѣхъ
великъ, — прими его. А Господь пожалѣетъ тебя
и проститъ.

— И проститъ, — повторяетъ онъ шепотомъ.

— Ваня, все это вздоръ. Не думай объ этомъ.
Онъ молчитъ.

На улицѣ я забываю его слова.

19 марта.

Эрна всхлипываетъ. Она говоритъ сквозь слезы:
— Ты меня совсѣмъ разлюбилъ.

Она сидитъ въ моемъ креслѣ, закрывъ руками
лицо. Странно: я никогда раньше не замѣчалъ, что
у нея такія большія руки.

Я внимательно смотрю на нихъ и говорю:

— Эрна, не плачь.

Она подымаетъ глаза. Носъ у нея покраснѣлъ и
нижняя губа некрасиво отвисла. Я отворачиваюсь
къ окну. Она встаетъ и робко трогаетъ меня за
рукавъ:

— Не сердись. Я не буду.

Она часто плачетъ. Сначала краснѣютъ глаза,
затѣмъ опухаютъ щеки, наконецъ, незамѣтно вы-
катывается слеза. У нея тихія слезы.

Я беру ее къ себѣ на колѣни.

— Послушай Эрна, развѣ я когда-нибудь гово-
рилъ, что люблю тебя?

— Нѣтъ.

— Развѣ я тебя обманулъ? Развѣ я не сказалъ, что люблю другую?

Она вздрогнула и не отвѣчаетъ.

— Говори же.

— Да. Ты сказалъ.

— Слушай же дальше. Когда мнѣ станетъ съ тобой тяжело, я не солгу тебѣ, я скажу. Вѣдь ты мнѣ вѣришь?

— О, да.

— А теперь не плачь. Я ни съ кѣмъ. Я съ тобою.

Я цѣлую ее. Счастливая, она говоритъ:

— Милый мой, какъ я люблю тебя.

А я глазъ не могу оторвать отъ ея большихъ рукъ.

21 марта.

Я не знаю ни слова по англійски. Въ гостинницѣ, въ ресторанахъ, на улицѣ я говорю на ломаномъ русскомъ языкѣ. Выходятъ недоразумѣнія.

Вчера я былъ въ театрѣ. Рядомъ со мной купецъ, толстый, красный, съ потнымъ лицомъ. Онъ сонитъ и угрюмо дремлетъ. Въ антрактѣ поворачивается ко мнѣ:

— Вы какой націи?

Я молчу.

— Я спрашиваю: какой вы націи?

Я не глядя на него отвѣчаю:

— Подданный Его Величества Великобританскаго короля.

Онъ переспрашиваетъ:

— Кого?

Я поднимаю голову и говорю:

— Я англичанинъ.

— Англичанинъ? Такъ-съ, такъ-съ, такъ-съ... Самой мерзкой націи. Такъ-съ. Которые на японскихъ миноносцахъ ходили, у Цусимы Андреевскій флагъ топили, Портъ-Артуръ брали... А теперь, извольте, — къ намъ, въ Россію пожаловали. Нѣтъ, не позволяю я этого.

Собираются любопытные. Я говорю:

— Прошу васъ молчать.

Онъ продолжаетъ:

— Въ участокъ его. Можетъ, онъ опять японскій шпіонъ или жуликъ какой... Англичанинъ... Знаемъ мы ихъ, англичанъ этихъ... И чего полиція смотритъ?

Я щупаю въ карманъ револьверъ. Я говорю:

— Второй разъ: прошу васъ молчать.

— Молчать? Нѣтъ, братъ, пойдемъ въ участокъ. Тамъ разберутъ. Недозволено, чтобы, значить шпіоны. Нѣтъ. За царя! Съ нами Богъ!

Я встаю. Я смотрю въ упоръ въ его круглые, налитые кровью глаза и говорю очень тихо:

— Въ послѣдній разъ: молчать.

Онъ пожимаетъ плечами и молча садится.

Я выхожу изъ театра.

24 марта.

Генриху 22 года. Онъ бывшій студентъ. Еще недавно онъ ораторствовалъ на сходкахъ, носилъ пэнсэ и длинные волосы. Теперь, какъ Ваня,

онъ огрубѣлъ, похудѣлъ и обросъ небритой щетиной. Лошадь у него тощая, сбруя рваная, сани подержанныя, — настоящей московскій Ванька.

Онъ везетъ насъ: меня и Эрну. За заставой обернулся и говоритъ:

— Намедни попа одного возилъ. На Собачью Площадку рядился, пятнадцатый давалъ. Ну, а гдѣ она Собачья Площадка? Везу. Крутилъ я крутилъ. Сталъ, наконецъ, попъ ругаться: куда везешь, сукинъ сынъ? Я, говоритъ, тебя въ полицію представлю. Извозникъ, говоритъ, долженъ Москву, какъ мѣшокъ съ овсомъ знать, а ты, говоритъ, экзаменъ, небось, за цѣлковый сдалъ. Насилу я его умолилъ: простите, говорю, батюшка, Христа-ради... А экзамена я дѣйствительно не держалъ. Карпуха-босаякъ за полтинникъ вмѣсто меня явился.

Эрна почти не слушаетъ. Генрихъ продолжаетъ съ одушевленіемъ:

— Вотъ тоже на дняхъ баринъ одинъ съ барыней порядились. Старички. Будто изъ благородныхъ. Выѣхалъ я на Долгоруковскую, а тамъ трамвай электрической у остановки стоитъ. Ну, я не глядя: Господи благослови, — черезъ рельсы. Ка-акъ баринъ то вечнотъ и давай меня по шеѣ тузить: ты, говоритъ, негодяй, что же? Задавить насъ желаешь? Куда, говоритъ, прешь... сукинъ сынъ? А я и говорю: не извольте, говорю, ваше сіятельство себя беспокоить, такъ что трамвай у остановки стоитъ, проѣдемъ. Тутъ слышу барыня по французски заговорила: Жанъ, говоритъ, не волнуйся, во первыхъ тебѣ это вредно, а кромѣ того и извозникъ, говоритъ, человекъ. Ей Богу,

вотъ такъ и сказала: извощикъ, молъ, человѣкъ. А онъ ей по русски: самъ знаю, что человѣкъ, да вѣдь какая скотина... А она: фи, говоритъ, что ты, право, стыдись... Тутъ онъ, слышу, за плечо меня тронулъ: прости, говоритъ, голубчикъ, и на чай двугривенный подаетъ... Не иначе: кадеты... Н-но, милая, выручай!..

Генрихъ стегаешь свою лошаденку. Эрпа незамѣтно жметъся ко мнѣ.

— Ну, а вы какъ Эрпа Яковлевна, — привыкли?

Генрихъ говоритъ робко. Эрпа, нехотя, отвѣчаетъ:

— Ничего. Конечно, привыкла.

Направо Петровскій Паркъ, черный переплетъ обнаженныхъ вѣтвей. Налѣво — бѣлая скатерть поля. Сзади — Москва. Сіяютъ на солищѣ церкви.

Генрихъ примолкъ. Тишина. Только сани скрипятъ.

На Тверской я сую ему въ руки полтинникъ. Онъ снимаетъ заиндевѣлый картузь и долго смотритъ намъ вслѣдъ.

Эрна мнѣ шепчетъ:

— Можно сегодня придти къ тебѣ, милый?

28 марта.

Генераль-Губернаторъ ждетъ покушенія. Вчера ночью онъ неожиданно переѣхалъ въ Нескучное. За нимъ переѣхали и мы. Ваня, Федоръ и Генрихъ слѣдятъ теперь въ Замоскворѣчьи: у Калужскихъ воротъ и на Большой Полянкѣ. Я брожу по Пятницкой и Ордынкѣ.

Мы уже много знаемъ о немъ. Онъ высокаго роста, съ блѣднымъ лицомъ и подстриженными усами. Выѣзжаетъ въ Кремль два раза въ недѣлю, отъ 3-хъ до 5-и. Остальные часы опъ дома. Иногда бываетъ въ театрѣ. У него три запряжки. Пара сѣрыхъ коней и двѣ веронья пары. Кучеръ не старый, лѣтъ сорока, съ рыжей, вѣромъ бородою. Карета новая съ бѣлыми фонарями. Иногда въ ней ѣздитъ его семья: жена и дѣти. Но тогда кучеръ другой. Старикъ съ медалями на груди. Охрану мы знаемъ тоже: два сыщика, оба евреи. Ѣздятъ всегда на гнѣдомъ рысакѣ, въ открытыхъ саняхъ. Ошибиться нельзя и я думаю, что мы скоро назначимъ день. Ваня броситъ первую бомбу.

29 марта.

Изъ Петербурга пріѣхалъ Андрей Петровичъ. Онъ членъ комитета. За нимъ много лѣтъ каторги и Сибири, — тяжкая жизнь затравленнаго революціонера. У него грустные глаза и сѣдая бородка клиномъ.

Мы сидимъ въ „Эрмитажѣ“. Онъ застѣчиво говоритъ:

— Вы знаете, Жоржъ, въ комитетѣ поднять вопросъ о временномъ прекращеніи террора. Что вы объ этомъ думаете?

— Человѣкъ, — подзываю я полового, — поставь машину изъ „Корневильскихъ Колоколовъ“.

Андрей Петровичъ опускаетъ глаза.

— Вы не слушаете меня, а вопросъ очень важ-

ный. Какъ совмѣстить терроръ и парламентскую работу? Или мы ее признаемъ и идемъ на выборы въ Думу, или нѣтъ конституціи и тогда, конечно, терроръ. Ну, что вы думаете объ этомъ?

— Что думаю? Ничего.

— Вы подумайте. Можетъ быть придется васъ распустить, то есть организацію распустить.

— Что? — переспрашиваю я.

— То есть не распустить, а какъ бы это сказать? Вы знаете, Жоржъ, вѣдь мы понимаемъ. Мы знаемъ, какъ товарищамъ трудно. Мы цѣнимъ... И потомъ, вѣдь это только предположеніе.

У него лимоннаго цвѣта лицо, морщинки у глазъ. Онъ навѣрное живетъ въ нищей каморкѣ, гдѣ-нибудь на Выборгской сторонѣ, самъ варить себѣ на спиртовкѣ чай, бѣгаетъ зимою въ осеннемъ пальто и занятъ по горло всякими планами и дѣлами. Онъ дѣлаетъ революцію.

Я говорю:

— Вотъ, что, Андрей Петровичъ, вы рѣшайте тамъ, какъ хотите. Это ваше право. Но какъ бы вы не рѣшили, Генераль-Губернаторъ будетъ убитъ.

— Что вы? Вы не подчинитесь Комитету?

— Нѣтъ.

— Послушайте, Жоржъ...

— Я сказалъ, Андрей Петровичъ.

— А партія? — напоминаетъ онъ.

— А терроръ? — отвѣчаю я.

Онъ вздыхаетъ. Потомъ протягиваетъ мнѣ руку.

— Я въ Петербургѣ ничего не скажу. Авось, какъ-нибудь обойдется. Вы не сердитесь.

— Я не сержусь.

— Прощайте, Андрей Петровичъ.

Вызвѣздило. Къ морозу. Жутко въ пустыхъ переулкахъ.. Андрей Петровичъ спѣшитъ на вокзалъ. Бѣдный старикъ. Бѣдный взрослый ребенокъ. Именно вотъ такихъ и есть Царство Небесное.

30 марта.

Я опять брожу около дома Елены. Это громадный, сѣрый, тяжелый домъ купца Купоросова. Какъ могутъ жить люди въ этой коробкѣ? Какъ можетъ жить въ ней Елена?

Я знаю: глупо мерзнуть на улицѣ, кружить вокругъ закрытыхъ дверей, ждать того, чего никогда не будетъ. Ну, если я даже встрѣчу ее? Что измѣнится? Ничего.

А вотъ вчера, на Кузнецкомъ, у Даццаро я встрѣтилъ мужа Елены. Я издали замѣтилъ его. Онъ стоялъ у окна, спиною ко мнѣ и разглядывалъ фотографіи. Я подошелъ и сталъ рядомъ съ нимъ. Онъ высокаго роста, бѣлокурый и стройный. Ему лѣтъ 25. Офицеръ.

Онъ обернулся и сразу узналъ меня. Въ его потемнѣвшихъ глазахъ я прочелъ злобу и ревность. Я не знаю, что онъ прочелъ въ моихъ.

Я не ревную его. Я не имѣю злобы къ нему. Но онъ мнѣ мѣшаетъ. Онъ стоитъ на моей дорогѣ. И еще: когда я думаю о немъ, я вспоминаю слова:

Если вошь въ твоей рубашкѣ
Крикнетъ тебѣ, что ты блоха,—
Выйди на улицу
И убей!

Сегодня таетъ, бѣгутъ ручьи. Лужи сверкаютъ на солнцѣ. Снѣгъ размокъ и въ Сокольниковѣхъ пахнетъ весной, — крѣпкой сыростью лѣса. Вечерами еще морозъ, а въ полдень скользко и каплетъ съ крышъ.

Прошлой весной я былъ на югѣ. Ночи, — ни зги. Только горитъ созвѣздіе Оріона. Утромъ по каменистому берегу я ухожу къ морю. Въ лѣсу цвѣтеть верескъ, расцвѣтаютъ бѣлыя лиліи. Я карабкаюсь на утесъ. Надо мной раскаленное солнце, внизу — прозрачная зелень воды. Ящерицы скользятъ, трещатъ цикады. Я лежу на жаркихъ камняхъ, слѣшаю волны. И вдругъ, — нѣтъ меня, нѣтъ моря, нѣтъ солнца, нѣтъ лѣса, нѣтъ весеннихъ цвѣтовъ. Есть одно громадное тѣло, одна безконечная и благословенная жизнь.

А теперь?

Одинъ мой знакомый, бельгійскій офицеръ, рассказывалъ мнѣ о своей жизни въ Конго. Онъ былъ одинъ и у него было пятьдесятъ черныхъ солдатъ. Его кордонъ стоялъ на берегу большой рѣки, въ дѣвственномъ лѣсу, гдѣ солнце не жжетъ и бродитъ желтая лихорадка. По ту сторону жило племя независимыхъ негровъ, со своимъ царькомъ и со своими законами. День смѣнялся ночью и вновь наступалъ день. И утромъ и въ полдень, и вечеромъ была все та же мутная рѣка съ песчаными берегами, тѣ же ярко-зеленыя ліаны, тѣ же люди съ чернымъ тѣломъ и непонятнымъ нарѣчіемъ. Иногда онъ отъ скуки бралъ ружье и старался

попасть въ курчавую голову между вѣтвей. А когда чернымъ людямъ съ этого берега случилось поймать кого-нибудь изъ тѣхъ, кто на томъ, плѣнника привязывали къ столбу. Отъ нечего дѣлать его разстрѣливали, какъ мишень для стрѣльбы. И наоборотъ: когда кто-нибудь изъ его людей попадался на томъ берегу, ему разрубали руки и ноги. Затѣмъ клали на почъ въ рѣку такъ, что торчала одна голова. А на утро рубили голову.

Я спрашиваю: чѣмъ бѣлый человѣкъ отличается отъ черныхъ? Чѣмъ мы отличаемся отъ него? Одно изъ двухъ: или „не убій“ и тогда мы такіе же разбойники, какъ Побѣдоносцевъ и Треповъ. Или „око за око и зубъ за зубъ“. А если такъ, то къ чему оправданія? Я такъ хочу и такъ дѣлаю. Или здѣсь скрытая трусость, боязнь чужого мнѣнія? Боязнь, что скажутъ: убійца, когда теперь говорятъ: герой. Но на что мнѣ чужое мнѣніе?

Раскольниковъ убилъ старушенку и самъ захлебнулся въ ея крови. А вотъ Ваня идетъ убивать и, убивъ, будетъ счастливъ и святъ. Опъ говоритъ: во имя любви. Да развѣ есть на свѣтѣ любовь? Развѣ Христось воистину воскресъ въ третій день? Все это слова... Нѣтъ,

Если вошь въ твоей рубашкѣ
Крикнетъ тебѣ, что ты блоха,
Выйди на улицу
И убей!

Гирьки.

Федоръ рассказываетъ:

— Было это дѣло на югѣ въ Н. Знаешь улицу,

что низомъ отъ вокзала идетъ? Ну, еще часовой на горкѣ стоитъ?.. Взялъ я бомбу, — самъ изготавилъ, — въ платокъ увернулъ, наверхъ взобрался. Недалеко отъ часового стою, шагахъ этакъ въ двадцати пяти. Дожидаю. Вотъ, гляжу: пыль пошла, казачишки ѣдутъ. А за казачишками онъ, своею персоной, въ коляскѣ и офицеръ какой то при немъ. Поднялъ я руку, бомбу высоко держу. Онъ, какъ глянетъ, завидѣлъ меня, бѣлый, какъ скатерть сдѣлался. Я на него смотрю, онъ на меня. Тутъ я, Господи благослови: съ размаху бомбу внизъ. Слышу: взорвало. Ну, я бѣжать. Браунингъ у меня былъ, хорошій, Ванинъ подарокъ. Обернулся: часовой меня на винтовку ловить. Сталъ я кружить, для затрудненія, значить. Кружу, а самъ изъ револьвера стрѣляю. Такъ, главнѣе для страху. Патроны всѣ разстрѣлялъ, обоимъ перемѣнилъ, дальше бѣгу. Глядь: изъ казармы солдаты бѣгутъ, пѣхота. На ходу въ меня изъ винтовокъ палятъ. Имъ бы остановиться, да съ мѣста бы и стрѣльнуть. Наповаль бы убили. Ну, перебѣжалъ это я поле, до домовъ добѣжалъ. Что такое? Изъ переулка матросы бѣгутъ. Ну, я разъ-разъ, разъ-разъ, обоимъ всю опять разстрѣлялъ. Ужъ и не знаю, убилъ ли кого. Бѣгу. Въ улицу завернулся, — заводскіе съ работы идутъ. Я къ нимъ. Слышу: не трожь, ребята, пусть бѣжить. Я, — въ толпу, револьверъ — въ карманъ, шляпу скинулъ, нащепку падѣлъ, пиджакъ скинулъ, въ рубашкѣ остался... папироску тутъ закурилъ, завернулся со всѣми. Иду. Будто тоже съ завода, солдатамъ, значить навстрѣчу.

— Ну?

— Ну, ничего. Домой пришел. Дома слышу: бомбой коляску взорвало, ему кишки разнесло, да двухъ казачишекъ убило.

— А скажи, — спрашиваю я его, — если мы Генераль-Губернатора уьемъ, ты будешь доволенъ?

— Барина если уьемъ?

— Ну да.

Онъ улыбается. Блестятъ крѣпкіе, какъ молоко бѣлые зубы.

— Чудакъ... Конечно доволенъ.

— Но вѣдь тебя, Федоръ, повѣсятъ.

Онъ говоритъ:

— Такъ что? Двѣ минуты, — готово дѣло. Всѣ тамъ будемъ.

— Гдѣ?

Онъ хохочетъ:

— Да у свиней собачьихъ.

8 апрѣля.

Прошла страстная недѣля. Сегодня веселый перезвонъ: Пасха. Ночью радостный крестный ходъ, слава Христу. А съ утра вся Москва на Дѣвичьемъ полѣ, яблоку негдѣ упасть. Бабы въ бѣлыхъ платочкахъ, солдаты, оборванцы, гимназисты. Цѣлуются, щелкаютъ сѣмечки, зубоскалятъ. На лоткахъ красныя яйца, пряники, американскіе черти. На ленточкахъ разноцвѣтные пузыри. Люди, словно пчелы въ ульѣ: гомонъ и шумъ.

Въ дѣтствѣ говѣешь еще на шестой. Постъ всю недѣлю, до причастія ни маковой росинки во рту.

На страстной неистово бьешь поклоны, къ Плащаницѣ всѣмъ тѣломъ прильнешь: Господи, прости мнѣ мои прегрѣшенія. У заутрени, какъ въ раю: свѣчи ярко горять, воскомъ пахнетъ, ризы бѣлыя, кіотъ золотой. Стоишь, не вздохнешь, — скоро ли воскреснетъ Христосъ, скоро ли домой со святымъ куlichemъ пойдешь? Дома праздникъ, великое торжество. Всю святую недѣлю праздникъ.

А сегодня мнѣ все чужое. Томить колокольный звонъ, скученъ смѣхъ. Уйти бы, куда глаза глядятъ, не вернуться.

— Баринъ, купите счастье, — суеть мнѣ дѣвчонка конвертъ. Дѣвчонка босоногая, рваная, какая-то вся непраздничная. На клочкѣ сѣрой бумаги напечатано предсказаніе:

„Если тебя преслѣдуютъ неудачи, не теряй надежды и не предавайся отчаянію. Труднѣйшее преодолѣешь и повернешь, наконецъ, къ себѣ колесо фортуны. Твое предпріятіе скончится полнымъ успѣхомъ, котораго даже не смѣешь ожидать“.

Вотъ и яичко на красный день.

7 апрѣля.

Ваня живетъ на Мусахъ, на постояломъ дворѣ, въ артели. Онъ спитъ въ повалку на нарахъ. Бѣсть изъ котла. Самъ чиститъ лошадь, моетъ пролетку. Днемъ — на улицѣ, на работѣ. Онъ не жалуется, доволенъ.

Сегодня онъ въ новой поддевкѣ, волосы смазаны масломъ, сапоги у него со скрипомъ. Онъ говоритъ:

— Вотъ и Пасха пришла. Хорошо... Жоржъ, вѣдь Христось-то воскресъ.

— Ну такъ что-жъ, что воскресъ?

— Эхъ ты... Радости въ тебѣ нѣтъ. Мира ты не пріемлешь

— А ты пріемлешь?

— Я? Я—дѣло другое. Миѣ тебя, Жоржикъ, жалко.

— Жалко?

— Ну да. Никого ты не любишь. Даже себя. Знаешь, есть у насъ на дворѣ извозчикъ Тихонъ. Черный такой мужикъ, курчавый. Золь, какъ чертъ. Былъ онъ когда то богатъ, потомъ погорѣлъ: по-дожгли. Простить до сихъ поръ не можетъ. Всѣхъ проклиняетъ: Бога, царя, студентовъ, купцовъ, даже дѣтей. И тѣхъ ненавидитъ. Сукнины дѣти всѣ, — говорить, — и всѣ подлецы. Кровь хри-стианскую пьютъ, а Богъ съ небесъ радуется... Да-веча прихожу изъ чайной на дворъ, гляжу: посре-ди двора Тихонъ стоитъ. Ноги разставилъ, рукава засучилъ, кулачища у него громадные, — и ло-шаденку свою возжей по глазамъ хлещетъ. Лоша-денка то хилая, еле дышетъ, морду въ гору деретъ. А онъ ее по глазамъ, по глазамъ. Стерва, — хри-пить, — сволочь проклятая, я тебѣ покажу, я тебя научу... За что, говорю, Тихонъ, бьешь животину? Молчи, — кричитъ, — хлещь паршивый... И да-вай хлестать еще свирѣпѣе. На дворѣ грязь, вонь, конскій навозъ, а наши повылѣзали, смѣются, Ти-хонъ, моль, бадуетъ... Такъ и ты, Жоржикъ, всѣхъ бы ты возжей по глазамъ... Эхъ, ты, бѣдняга.

Онъ скусываетъ кусочекъ сахару, долго пьетъ чай, потомъ говорить:

— Не сердись. И не смѣйся. Вотъ я думаю. Знаешь о чемъ. Вѣдь мы нищѣ духомъ. Чѣмъ, милый, живемъ? Вѣдь голой ненавистью живемъ. Любить то мы не умѣемъ. Душимъ, рѣжемъ, жжемъ. И насъ душатъ, вѣшаютъ, жгутъ. Во имя чего? Ты скажи. Нѣтъ ты скажи.

Я пожимаю плечами.

— Спроси Генриха, Ваня.

— Генриха? Генрихъ вѣрить въ социализмъ, знаетъ, что люди будутъ свободны и сыты. Но вѣдь это же все для Марфы, а что для Марин? За свободу можно, конечно, жизнь отдать. Что за свободу? За слезу одну можно. Я молюсь: пусть не будетъ рабовъ, пусть не будетъ голодныхъ. Но вѣдь это же, Жоржикъ, не все. Мы знаемъ, міръ неправдой живетъ. Гдѣ же правда? Скажи.

— Что есть истина? Да?

— Да, что есть истина. А помнишь: „Я на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ. Всякій, кто отъ истины, слушаетъ гласа моего“.

— Ваня, Христось сказалъ: не убій.

— Знаю. Ты о крови пока молчи. Ты вотъ что скажи: Европа два великихъ слова міру сказала, два великихъ слова своею мукой запечатлѣла. Первое слово: свобода, второе слово: социализмъ. Ну, а мы, что міру сказали? Кровь лилась за свободу. Кто ей вѣрить теперъ? Кровь лилась за социализмъ? Что же, по твоему, социализмъ — рай на землѣ? Ну, а за любовь, во имя любви, кто-нибудь на кострѣ горѣлъ? Развѣ кто-нибудь изъ насъ смѣлъ сказать: мало еще, что бы люди были свободны,

мало еще, чтобы съ голоду дѣти не умирали, чтобы матери слезами не обливались. Нужно еще, нужно, чтобы люди другъ друга любили, чтобы Богъ былъ съ ними и въ нихъ. Про Бога то, про любовь то забыли. А вѣдь въ Марфѣ одна половина правды, другая въ Маріи. Гдѣ же наша Марія? Слушай, я вѣрю: вотъ идетъ революція крестьянская, христіанская, Христова. Вотъ идетъ революція во имя Бога, во имя любви. И будутъ люди свободны и сыты, и въ любви будутъ жить. Вѣрю: нашъ народъ, народъ Божій, въ немъ любовь, съ нимъ Христось. Наше слово — воскресшее слово: ей, гряди, Господи!.. Маловѣры мы и слабы, какъ дѣти и поэтому поднимаемъ мечъ. Не отъ силы своей поднимаемъ, а отъ страха и слабости. Подожди, завтра придутъ другіе, чистые. Мечъ не для нихъ, ибо будутъ сильны. Но раньше, чѣмъ придутъ, мы погибнемъ. А внуки дѣтей будутъ Бога любить, въ Богѣ жить, Христу радоваться. Міръ имъ откроется вновь, и узрятъ въ немъ то, чего мы не видимъ. А сегодня, Жоржикъ, Христось воскресъ, святая Пасха. Ну, такъ въ этотъ день забудемъ обиды, перестанемъ хлестать по глазамъ...

Оцъ задумчиво умолкаетъ.

— Что ты, Ваня? О чемъ?

— Да вотъ, слушай: цѣпь неразрывная. Нѣтъ мнѣ выхода, нѣтъ исхода. Иду убивать, а самъ въ Слово вѣрю, поклоняюсь Христу. Больно мнѣ, больно...

Въ трактирѣ пьяный гулъ. Люди справляютъ праздникъ. Ваня склонился надъ скатертью, ждетъ. Что я могу ему дать? Развѣ возжей по глазамъ?..

Я опять съ Ваней. Онъ говоритъ:

— Знаешь, когда я Христа узналъ? Въ первый разъ Бога увидѣлъ? Былъ я въ Сибири, въ ссылкѣ. Пошелъ я разъ на охоту. Въ Обской губѣ дѣло было. Обь-то у океана — море. Небо низкое, сѣрое, рѣка тоже сѣрая, сѣрые гребни волнъ, а береговъ не видать, будто вовсе ихъ нѣтъ. Высадили меня изъ лодки на островокъ. Сговорились: къ вечеру, молъ, за тобой приѣдемъ. Ну, брожу я, утокъ стрѣляю. Кругомъ болото, березки гнилыя, кочки зеленыя, мохъ. Шелъ я, шелъ, отъ краю совсѣмъ отбился. Утку одну застрѣлилъ, запала, найти не могу. Ищу между кочекъ. А тутъ и вечеръ упалъ, котянуло туманомъ съ рѣки, стало темно. Вотъ рѣшилъ я къ берегу добираться. Кое-какъ по вѣтру взялъ направленіе, иду. Шагнулъ, чувствую: ноги вязнуть. Я было на кочку хотѣлъ, нѣтъ, — тону въ болотной трясинѣ. Знаешь, медленно такъ тону, на полвершечка въ минуту. Сиверко, дождь пошелъ. Дернулъ я ногу, не выдержу, хуже: еще на вершокъ увязъ. Поднялъ я тутъ ружье, сталъ съ отчаянія въ воздухъ стрѣлять. Авось, услышатъ, авось помогутъ, придутъ. Нѣтъ, тишина, только, слышу, вѣтеръ свиститъ. Вотъ стою я такъ, почти по колѣно въ тинѣ. Думаю: въ болотѣ завязну, пузыри надо мною пойдутъ, будутъ, какъ прежде однѣ зеленыя кочки. Противно мнѣ стало, до слезъ. Рванулъ опять ногу, — еще того хуже. Оледѣнѣлъ я весь, какъ осина дрожу: вотъ онъ какой конецъ, на краю

свѣта, какъ муха... И знаешь, въ сердцѣ какъ то все опустѣло. Все — все равно: погибать. Закусилъ я губы до крови, изъ послѣднихъ силъ рванулъ въ третій разъ. Чувствую, — выдернулъ погу Тутъ вдругъ радостно стало. Гляжу, бродень въ болотѣ увязъ, нога вся въ крови. Кое-какъ я на кочку одной ногою ступилъ, ружьемъ оперся, другую погу тяну. Ну, какъ стать обѣими ногами, боюсь шелохнуться. Думаю: шагъ ступлю, значить, — обратно въ трясицу. Такъ всю ночь до разсвѣта, на одномъ мѣстѣ и простоялъ. Вотъ въ эту длинную ночь, когда я въ болотѣ стоялъ и сѣялъ дождь, и небо было темное, и вѣтеръ вылъ, въ эту то ночь я и поялъ, знаешь, всѣмъ сердцемъ, до конца поялъ: Богъ надъ нами и съ нами. И не страшно мнѣ было, а радостно: съ сердца камень упалъ. А утромъ товарищи подошли, подобрали меня.

— Передъ смертью многіе Бога видятъ. Это отъ страха, Ваня.

— Отъ страха? Что якъ, можетъ быть. Только что же ты думаешь? Богъ тебѣ здѣсь, въ грязномъ трактирѣ явиться можетъ? Передъ смертью душа напрягается, предѣлы видны. Вотъ почему и Бога люди чаще всего передъ смертью видятъ. Увидѣлъ и я. — Слушай дальше, — продолжаетъ онъ, помолчавъ, — великое счастье Бога увидѣть. Пока не знаешь его, не думаешь о немъ вовсе. Обо всемъ думаешь, а объ немъ нѣтъ. Сверхчеловѣкъ вотъ инымъ мерещится. Ты подумай только: сверхчеловѣкъ. И вѣдь вѣрятъ: философскій камень нашли, разгадку жизни. А по моему Смердяковщина это. Я, молъ, ближнихъ любить не могу, а

за то люблю дальнихъ. Какъ же дальнихъ можешь любить, если нѣтъ въ тебѣ любви къ тому, что кругомъ? Если нѣтъ любви къ тѣмъ, что въ грязи, въ крови, въ мукахъ живутъ? Знаешь, легко умереть за другихъ, смерть свою людямъ отдать. Жизнь вотъ отдать труднѣе. Изъ дня въ день, изъ минуты въ минуту жить любовью, Божьей любовью къ людямъ, ко всему, что живетъ. Забывать о себѣ, не для себя строить жизнь, не для дальнихъ какихъ-то. Ожесточились мы, озвѣрѣли. Эхъ, милый, горько смотрѣть: мечутся люди, ищутъ, вѣрятъ въ китайскихъ божковъ, въ деревянныхъ чурбановъ, а въ Бога вѣрить не могутъ, а Христа любить не хотятъ. Ядъ въ насъ съ дѣтства горитъ. Вотъ Генрихъ, не скажетъ: цвѣтокъ, говорить: сѣмьи такой то, вида такого то, лепестки такіе то, вѣнчикъ такой то. За этимъ соромъ онъ цвѣтка не увидѣлъ. Такъ и Бога за соромъ не видимъ. Все по арифметикѣ, да по разуму. А вотъ тамъ, когда я подъ дождемъ на болотной кочкѣ стоялъ, смерти своей дожидался, тамъ я понялъ: кромѣ разума есть еще что-то, да шоры у насъ на глазахъ, да не видимъ, не знаемъ. Ты, Жоржикъ, чего смѣешься?

— Да вѣдь ты словно попъ приходскій.

— Ну, пусть попъ. А ты мнѣ скажи, — можно жить безъ любви?

— Конечно можно.

— Какъ же? Какъ?

— Да плевать на весь міръ.

— Шутишь, Жоржъ.

— Нѣтъ. Не шучу.

— Бѣдный, Жоржикъ, ты бѣдный...

Я прощаюсь съ нимъ. Я опять забываю его слова.

10 апрѣля.

Сегодня я видѣлъ Генераль-Губернатора. Онъ высокій, благообразный старикъ, въ очкахъ съ подстриженными усами. Глядя на его спокойное лицо, никто не скажетъ, что на его совѣсти тысячи жертвъ.

Я шелъ черезъ Кремль. На площади, вчера бѣлой, сегодня мокрые камни. Ледъ стоялъ и Москварѣвка ярко блеститъ на солнцѣ. Въ фабричномъ дымѣ тонетъ Замоскворѣчье. Чирикаютъ воробьи.

У подъѣзда дворца карета. Я сразу узналъ ее: черные кони, желтые спицы колесъ. Я пересѣкъ площадь и пошелъ къ дворцу. Въ это время дверь распахнулась, часовой стукнулъ ружьемъ, городской отдалъ честь. Съ мраморной бѣлой лѣстницы медленно спускался Генераль-Губернаторъ. Я приросъ къ мостовой. Я, не отрываясь, смотрѣлъ на него. Онъ поднялъ голову и взглянулъ на меня. Я снялъ шляпу. Я низко опустилъ ее передъ нимъ. Онъ улыбнулся и приложилъ руку къ фуражкѣ. Онъ поклонился мнѣ.

Въ эту минуту я ненавидѣлъ его.

Я побрелъ въ Александровскій садъ. Ноги вязли въ размытой глинѣ дорожекъ. Въ березахъ шумно летали галки. Я чуть не плакалъ: мнѣ было жаль, что онъ еще живъ.

12 апреля.

Въ свободные часы я ухожу въ Румянцевскую библиотеку. Въ тихомъ залѣ стриженныя курсистки, бородатые студенты. Я рѣзко отличаюсь отъ нихъ своимъ бритымъ лицомъ и высокими воротниками.

Я со вниманіемъ читаю древнихъ. У нихъ не было совѣсти, они не искали правды. Они по просту жили. Какъ трава растетъ, какъ птицы поютъ. Можетъ быть въ этой святой простотѣ — ключъ къ пріятію міра.

Афина говоритъ Одиссею:

Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставлень Мной и тогда, какъ приступимъ мы къ дѣлу. И думаю скоро Лоно земли безпредѣльной обрызжется кровью и мозгомъ Многихъ изъ тѣхъ, беззаконныхъ, твоедостоянье губящихъ.

Какому богу мнѣ молиться, чтобы онъ не оставилъ меня? Гдѣ моя защита и кто мой покровитель? Я одинъ. И если нѣтъ у меня бога, я самъ себѣ богъ. Ваня говоритъ: „если все позволено, тогда — Смердяковъ“. А чѣмъ Смердяковъ хуже другихъ? И почему нужно бояться Смердякова?

Лоно земли безпредѣльной обрызжется кровью и мозгомъ...

Пусть обрызжется. Я ничего противъ этого не имѣю.

13 апреля.

Эрна мнѣ говоритъ:

— Мнѣ кажется, я жила только для того, чтобы встрѣтить тебя. Ты видѣлся мнѣ во снѣ. Я о тебѣ молилась.

— Эрна, а революція?

— Мы вмѣстѣ умремъ... Слушай, милый, когда я съ тобой — мнѣ кажется, что я маленькая дѣвочка, еще ребенокъ. Я знаю: я ничего не могу дать тебѣ. Но у меня есть любовь. Возьми же ее.

И она плачетъ.

— Эрна, не плачь.

— Я отъ радости... Видишь, я не плачу уже. Знаешь, я хотѣла тебѣ сказать.. Генрихъ..

— Что Генрихъ?

— Только ты не сердись.. Генрихъ мнѣ вчера сказалъ, что любить меня.

— Ну?

— Ну, я же не люблю его. Я люблю только тебя. Ты не ревнуешь, милый? — шепчетъ она мнѣ на ухо.

— Ревную? Я?

— Ты не ревнуй. Я не люблю его вовсе. Но онъ такой несчастный и мнѣ такъ больно было, когда онъ сказалъ... И еще: мнѣ казалось, что я не должна его слушать, что это измѣна тебѣ.

— Измѣна мнѣ, Эрна?

— Милый, я такъ люблю тебя и мнѣ такъ жалко было его. Я ему сказала, что я ему другъ. Ты не сердисься? Нѣтъ?

— Будь покойна, Эрна. Я не сержусь и не ревную.

Она обиженно опускаетъ глаза:

— Тебѣ все равно? Скажи, — вѣдь тебѣ все равно?

— Слушай, — говорю я, — есть женщины вѣрныя жены, и страстныя любовницы, и тихія друзья.

Но всё онъ вмѣстѣ не стоятъ одной: женщины-царицы. Она не отдаетъ свое сердце. Она даритъ любовь.

Эрна испуганно слушаетъ. Потомъ говоритъ:

— Такъ ты не любишь меня совсѣмъ?

Я цѣлую ее въ отвѣтъ. Она прячетъ лицо на моей груди и шепчетъ:

— Вѣдь мы вмѣстѣ умремъ? Да?

— Можетъ быть.

Она засыпаетъ у меня на рукахъ.

15 апрѣля.

Я сажусь къ Генриху въ пролетку. За Триумфальной Аркой я говорю ему:

— Ну что, какъ дѣла?

— Да что, — качаетъ онъ головой, — не легко: цѣлый день подъ дождемъ, на козлахъ.

Я говорю:

— Не легко, когда человѣкъ влюбленъ.

— Откуда вы знаете? — быстро оборачивается онъ ко мнѣ.

— Что знаю? Я ничего не знаю. И ничего знать не хочу.

— Вы, Жоржъ, все смѣтаете.

— Я не смѣюсь.

Вотъ и паркъ. Съ мокрыхъ сучьевъ на насъ летятъ разноцвѣтныя брызги. Кос-гдѣ уже юная зелень травы.

— Жоржъ.

— Ну?

— Жоржъ, вѣдь при изготовленіи снарядовъ
бываютъ иногда взрывы?

— Бываютъ.

— Значитъ, Эрну можетъ взорвать?

— Можетъ.

— Жоржъ.

— Ну?

— Почему вы поручаете ей?

— Ея специальность.

— Специальность?

— Да.

— А кому-нибудь другому нельзя?

— Нельзя... Да вы чего беспокоитесь?

— Нѣтъ... Я такъ... Ничего... Къ слову пришлось.

Онъ поворачиваетъ обратно къ Москвѣ. На полъ-
дорогѣ опять окликаетъ меня:

— Жоржъ.

— Ну?

— А скоро?

— Думаю, скоро.

— Какъ скоро?

— Недѣли двѣ, три еще.

— А выписать вмѣсто Эрны нельзя никого?

— Нѣтъ.

Онъ ежится въ своемъ синемъ халатѣ, но мол-
читъ.

— Прощайте, Генрихъ. Бодритесь.

— Бодрюсь.

— И право, не думайте ни о комъ.

— Знаю. Не говорите. Прощайте.

Онъ медленно отъѣзжаетъ. На этотъ разъ я
долго смотрю ему вслѣдъ.

16 апрѣля.

Я спрашиваю себя: неужели я все еще люблю Елену? Или я люблю только тѣнь, — мою прежнюю къ ней любовь? Можетъ быть Ваня правъ и я не люблю никого, не могу и не умѣю любить. Можетъ быть и не стоитъ любить?

Генрихъ любить Эрну и будетъ любить только ее, и всю жизнь. Но любовь для него источникъ не радости, а муки. А моя любовь, — радость?

Я опять въ своей комнатѣ, въ скучномъ номерѣ скучной гостинницы. Сотни людей живутъ подъ одной крышей со мною. Я имъ чужой. Я чужой въ этомъ каменномъ городѣ, можетъ быть въ цѣломъ мѣрѣ. Эрна отдаетъ мнѣ себя, всю себя, безъ оглядки. А я не хочу ее и отвѣчаю, — чѣмъ? Дружбой? Не ложью ли? Глупо думать объ Еленѣ. Глупо цѣловать Эрну. Но я думаю о первой и цѣлую вторую. Да и не все ли равно?

18 апрѣля.

Генераль-Губернаторъ переѣхалъ изъ Нескучнаго въ Кремлевскій дворецъ. Наши планы опять разбиты. Нужно начать наблюденіе сначала. Это труднѣе въ Кремлѣ. Кругомъ дворца беземѣнная цѣпь часовыхъ. На площади и въ воротахъ шпіоны. Каждый прохожій у нихъ на примѣтѣ. Каждый извозчикъ на подозрѣніи.

Полиція, конечно, не знаетъ гдѣ мы и кто мы. Но по Москвѣ уже ходитъ молва. Повѣсятъ насъ,

за нами придуть другіе. Генераль-Губернаторъ во всякомъ случаѣ будетъ убитъ.

Вчера въ трактирѣ я услышалъ такой разговоръ. Разговаривали двое: одинъ, по виду, прикащикъ, другой, должно быть, его подручный, мальчишка, лѣтъ восемнадцати.

— Это ужъ, какъ отъ Бога кому, — наставительно говоритъ прикащикъ, — одному значить пуля, другому — бомба. Приходить, слышь, во дворецъ барышня, при прошеніи. Допустили. Сталъ онъ прошеніе читать. Покуда читалъ, она револьверъ вынула и даваѣ въ него пули садить. Четыре пули ему всадила.

Мальчишка всплескиваетъ руками.

— Ахъ ты... Чтожь, померъ?

— Какой... Живучи они собаки.

— Ну?

— Повѣсили ее, значить. По времени приходитъ другая. Опять при прошеніи.

— Неужто же допустили?

— Она было то, се, десятое, пятое. Однако обыскали въ прихожей. Глядятъ, въ косъ у нея револьверъ. Это значить, Богъ спасъ.

— Ну?

— Повѣсили, значить ее. Только что же ты думаешь? — рассказчикъ изумленно разводитъ руками, — по времени, гуляетъ онъ у себя въ саду, по дорожкѣ. Стража при немъ. Вдругъ, откуда бы ни возмись, выстрѣлъ. Прямо въ сердце пуля пронзила. Ахнуть едва успѣлъ. Что же впоследствии обнаружилось? Изъ-за куста солдатъ въ него стрѣльнулъ. Свой же солдатъ, съ караула.

— Язви те... Вотъ такъ разъ.

— Да-а... Солдата, значить, повѣсили, а онъ все таки померъ. Такъ ужъ положено ему было. Судьба.

Онъ низко наклоняется черезъ столъ и шепчетъ:

— А нашего, Сенька, слышь, бомбой. Каждый день на столъ прокламація: жди, молъ, для себя бомбы, скоро рвать тебя будемъ. И помяни мое слово: не иначе, какъ разорвуть его. Да.

Я тоже думаю такъ.

20 апрѣля.

Вчера, наконецъ, я встрѣтилъ Елену. Я не думалъ о ней, я почти забылъ, что она здѣсь, въ Москвѣ. Я шелъ по Петровкѣ и вдругъ услыхалъ чей-то зовъ. Я обернулся. Передо мною была Елена. Я увидѣлъ ея громадныя сѣрые глаза, пряди ея черныхъ волосъ. Я иду съ нею рядомъ. Она съ улыбкою говоритъ:

— Вы забыли меня.

Намъ въ лицо бьетъ снопъ яркаго вечерняго солнца. Въ его лучахъ тонетъ улица, золотомъ горитъ мостовая. Я краснѣю, какъ макъ. Я говорю:

— Нѣтъ. Я не забылъ.

Она беретъ меня подъ руку и говоритъ тихо:

— Вы надолго?

— Не знаю.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Не знаю.

— Не знаете?

— Нѣтъ.

Она вспыхиваетъ густымъ румянцемъ.

— А я знаю. Я вамъ скажу.

— Скажите.

— Вы охотитесь? Да?

— Можетъ быть.

— И васъ навѣрное повѣсятъ.

— Можетъ быть.

Вечерній лучъ догорѣлъ. На улицѣ прохладно и сѣро.

Я хочу ей много сказать. Но я забылъ всѣ слова. Я говорю только:

— Почему вы въ Москвѣ?

— Мужъ служить.

— Мужъ?

Я вспоминаю вдругъ про этого мужа. Я вѣдь встрѣтилъ его. Да, конечно, у ней есть мужъ.

— Прощайте, — говорю я, неловко протягивая ей руку.

— Вы спѣшите?

— Да, я спѣшу.

— Оставайтесь.

Я смотрю ей въ глаза. Они сіяютъ любовью. Но я опять вспоминаю: мужъ.

— До свиданья.

Ночью темно и пусто въ Москвѣ. Я иду въ Тиволи. Гремить оркестръ, безстыдно смѣются женщины. Я одинъ.

25 апрѣля. Петербургъ.

Генераль-Губернаторъ уѣхалъ въ Петербургъ. Я -

поѣхалъ за нимъ: быть можетъ здѣсь его легче убить. Я радостно встрѣчаю Неву, сіяющій куполь Исаакія. Весна хороша въ Петербургѣ. Она цѣломудренно-ясная. Какъ дѣвушка шестнадцати лѣтъ.

Генераль-Губернаторъ ѣдетъ къ царю, въ Петергофъ. Я въ томъ же поѣздѣ, въ вагонъ перваго класса. Входитъ нарядно одѣтая дама. Она роняетъ платокъ. Я подаю его ей.

— Вы ѣдете въ Петергофъ? — говоритъ она по французски.

— Да, въ Петергофъ.

— Вы не русскій? — всматривается она въ меня.

— Я англичанинъ.

— Англичанинъ? Какъ ваше имя? Я знаю, какъ ваше имя.

Я колеблюсь минуту. Потомъ вынимаю карточку. Джорджъ О'Бриенъ, инженеръ, Лондонъ-Москва.

— Инженеръ... Какъ я рада... пріѣзжайте ко мнѣ. Я буду васъ ждать.

Въ Петергофѣ я снова встрѣчаю ее. На вокзалѣ, въ буфетѣ она пьетъ чай съ какимъ то евреемъ. Онъ очень похожъ на шпиона. Я подхожу къ ней. Я говорю:

— Я счастливъ встрѣтиться снова.

Она смѣется.

Мы гуляемъ съ ней по платформѣ. Платформа раздѣлена на двое рядами жандармовъ.

Я спрашиваю:

— Зачѣмъ здѣсь такъ много жандармовъ?

— Вы не знаете? Готовится покушеніе на московскаго Генераль-Губернатора. Онъ теперь въ

Петергофъ, поѣдетъ съ этимъ же поѣздомъ. О, эти негодные анархисты...

— Покушеніе? На Генераль-Губернатора?

— Ха-ха-ха... Онъ не знаетъ... Не играйте комедіи...

Въ вагонѣ кондукторъ отбираетъ билеты. Она подаетъ ему сѣрый конвертъ. Я читаю внизу печатнымъ курсивомъ: Петергофское Жандармское Управленіе.

— У васъ вѣроятно сезонный билетъ? — спрашиваю я ее.

Она густо краснѣетъ:

— Нѣтъ, это такъ... Ничего... Это подарокъ... Ахъ, какъ я рада познакомиться съ вами... Я такъ люблю англичанъ...

Свистокъ. Петербургскій вокзалъ. Я кланяюсь ей и украдкой иду за ней слѣдомъ. Она входитъ въ жандармскую комнату.

— Шпіонка, — говорю я себѣ.

Въ гостинницѣ я рѣшаю: или за мною слѣдятъ и тогда я, конечно, погибъ, или эта встрѣча — случайность, скучное совпаденіе. Я хочу знать всю правду. Я хочу провѣрить судьбу.

Я надѣваю цилиндръ. Беру лихача. Звоню по адресу, у подъѣзда.

— Барышня дома?

— Пожалуйста.

Комната — бомбоньерка. Въ углу букетъ чайныхъ розъ: цвѣточное подношеніе. На столахъ и на стѣнахъ портреты хозяйки. Во всѣхъ видахъ и позахъ.

— Ахъ, вы пришли... Какъ это мило... Садитесь.

Мы опять говоримъ по французски. Я курю сигару, держу на колѣняхъ цилиндръ.

— Вы живете въ Москвѣ?

— Да, въ Москвѣ.

— Нравятся вамъ русскія дамы?

— Лучшія дамы въ мірѣ.

Въ двери стучать.

— Войдите.

Входятъ два господина, очень черныхъ, очень усатыхъ. Не то шулера, не то сутенеры. Мы жмемъ руки другъ другу.

Всѣ трое отходятъ къ окну.

— Это кто? — слышу я шепотъ.

— Это? Ахъ, это инженеръ-англичаинъ, богатый. Ты говори, не стѣсняйся: онъ по русски ни слова.

Я встаю:

— Жалѣю, что долженъ уйти. Честь имѣю вамъ кланяться.

Снова жму руки. А на улицѣ смѣхъ: слава Богу, я — англичаинъ.

26 апрѣля. Петербургъ.

Генераль-Губернаторъ ѣдетъ обратно въ Москву. Я брожу по Петербургу безъ цѣли.

Вечерѣтъ. Надъ Невой пурпуръ зари. Четкій шпиль крѣпости пронзаетъ небо.

У крѣпостныхъ дубовыхъ воротъ трехцвѣтная будка: символъ нашего рабства. За бѣлой стѣнной темная пасть корридора. По каменнымъ плитамъ эхо шаговъ. Въ камерахъ мракъ, рѣшетка оконъ.

Ночью трепетный бой курантовъ. Великая скорбь на всю землю.

Многіе изъ моихъ друзей повѣшены здѣсь. Многіе еще будутъ повѣшены.

Я вижу низкіе бастіоны, сѣрыя стѣны. Мало силъ отомстить, мало силъ разбить камень о камень. Но вѣдь день великаго гнѣва придетъ...

Кто устоитъ въ этотъ день?

28 апрѣля.

Въ паркѣ еще свѣтло. Липы голыя, но орѣшникъ уже одѣлся листвою. Въ зеленыхъ кустахъ поютъ птицы.

Елена рветъ, нагибаясь, цвѣты. Оборачивается ко мнѣ и смѣется:

— Какъ хорошо... Неправда ли, какъ сегодня радостно и свѣтло?

Да, мнѣ радостно и свѣтло. Я смотрю ей въ глаза и мнѣ хочется сказать, что въ ней радость и что она, — яркій свѣтъ. Я тоже невольно смѣюсь.

— Какъ давно я не видѣла васъ... Гдѣ вы были, гдѣ жили, что видѣли, что узнали?.. Что вы думали обо мнѣ?

И не ожидая отвѣта, краснѣетъ:

— Я такъ боялась за васъ.

Я не запомню такого утра. Цвѣтутъ ландыши, пахнетъ весной. Въ небѣ таютъ перистые облака, догоняя другъ друга. Въ моей душѣ опять радость: она за меня боялась.

— Знаете, я живу и не замѣчаю жизни. Вотъ я смотрю на васъ и мнѣ кажется вы — не вы, а кто то чужой и все таки милый. Да, вѣдь вы мнѣ чужой... Развѣ я знаю васъ? Развѣ вы знаете меня? И не надо... Ничего не надо намъ знать. Вѣдь памъ и такъ хорошо?.. Неправда ли хорошо?

И, помолчавъ, говорить съ улыбкой:

— Нѣтъ, скажите же мнѣ, что вы дѣлали, чѣмъ вы жили?

— Вы вѣдь знаете, чѣмъ я живу.

Она опускаетъ глаза:

— Такъ правда... терроромъ?

— Терроромъ.

По ея лицу пробѣгаетъ тѣнь. Она взяла меня за руку и молчитъ.

— Слушайте,—говоритъ она наконецъ,—я ничего въ этомъ не понимаю... Но, скажите, зачѣмъ убивать... Зачѣмъ? Вотъ смотрите, какъ здѣсь хорошо: расцвѣтаетъ весна, поютъ птицы. А вы думаете о чемъ? Живете чѣмъ?.. Смертью?.. Милый, зачѣмъ?

Я хочу ей сказать, что кровь очищаетъ кровь, что мы убиваемъ противъ желанія, что терроръ нуженъ для революціи, а революція нужна для народа. Но почему то я не могу сказать этихъ словъ. Я знаю, что это только слова для нее и что она меня не пойметъ.

А она настойчиво повторяетъ:

— Милый, зачѣмъ?

На деревьяхъ роса. Задѣнешь вѣтку плечомъ,—брызнетъ дождь разноцвѣтныхъ капель. Я молчу.

— Не лучше ли жить, по-просту жить?... Или я не поняла васъ? Или такъ нужно... Нѣтъ, нѣтъ, —

отвѣчаетъ она себѣ, — такъ не нужно, не можетъ быть нужно...

И я робко спрашиваю, какъ мальчикъ:

— Что же нужно, Елена?

— Вы спрашиваете меня? Вы?... Развѣ я знаю? Развѣ я могу знать? Ничего, ничего я не знаю... Да и знать не хочу... А сегодня намъ хорошо... И не надо думать о смерти... Не надо...

Вотъ она опять рветъ со смѣхомъ цвѣты, а я думаю, — скоро я снова буду одинъ и ея дѣтскій смѣхъ зазвучитъ не для меня, — для другого.

Кровь бросается мнѣ въ лицо. Я говорю едва слышно:

— Елена.

— Что, милый?

— Вы спрашиваете меня, что я дѣлалъ?... Я... я помнилъ о васъ.

— Помнили обо мнѣ?

— Да... вы вѣдь видите: я васъ люблю...

Она опускаетъ глаза.

— Не говорите мнѣ такъ.

— Почему?

— Боже мой... Не говорите. Прощайте.

Она быстро уходитъ. И долго еще между бѣлыхъ березъ мелькаетъ ея черное платье.

29 апрѣля.

Я написалъ Еленѣ письмо:

„Мнѣ кажется, что я не видѣлъ васъ долгіе годы. Каждый часъ и каждую минуту я чувствую,

что васъ нѣтъ со мной. Днемъ и ночью, всегда и вездѣ, — вотъ я вижу ваши сіяющіе глаза.

Я вѣрю въ любовь, въ свое право любить. Въ глубинѣ моего сердца, на самомъ его днѣ, живетъ спокойная увѣренность, предчувствіе будущаго. Такъ должно быть. Такъ будетъ.

Я люблю васъ и я счастливъ. Будьте же счастливы любовью и вы“.

Я получилъ короткій отвѣтъ:

„Завтра въ Сокольникахъ, въ шесть часовъ“.

30 апрѣля.

Елена мнѣ говоритъ:

— Я рада, я счастлива, что вы со мною... Но не говорите мнѣ о любви.

Я молчу.

— Нѣтъ общайте: не говорите мнѣ о любви... И не печальтесь, не думайте ни о чемъ.

— Я думалъ о васъ.

— Обо мнѣ?... Не думайте обо мнѣ...

— Почему?

И я самъ тотчасъ же отвѣчаю:

— Вы замужемъ? Мужъ? Честь мужа? Долгъ честной женщины? О, конечно, простите... Я осмѣлился говорить о своей любви, я осмѣлился просить вашей. Для добродѣтельныхъ женъ есть только домашній покой, чистыя комнаты сердца. Простите.

— Какъ вамъ не стыдно?

— Нѣтъ, мнѣ не стыдно. Я знаю: трагедія любви и подвѣчнаго платья, законнаго брака, закон-

ныхъ супружескихъ поцѣлуевъ. Не мнѣ стыдно, Елена, а вамъ.

— Молчите.

Нѣсколько минутъ мы молча идемъ по узкой дорожкѣ парка. На ея лицѣ еще гнѣвъ.

— Слушайте, — поворачивается она ко мнѣ, — неужели для васъ есть законъ?

— Не для меня, а для васъ.

— Нѣтъ... А вотъ вы... Вы живете кровью. Пусть это нужно, но вы... зачѣмъ вы живете кровью?

— Не знаю.

— Не знаете?

— Нѣтъ.

— Слушайте, вѣдь, это законъ... Вы сказали себѣ: такъ нужно.

Я говорю, помолчавъ:

— Нѣтъ. Я сказалъ: я хочу.

— Вы такъ хотите?

Она съ изумленіемъ смотритъ мнѣ прямо въ глаза.

— Вы такъ хотите?

— Ну да.

Вдругъ она мягко кладетъ мнѣ руки на плечи:

— Милый, милый мой Жоржъ.

И быстро, гибкимъ движеніемъ цѣлуетъ меня прямо въ губы. Долго и жарко. Я открываю глаза: ея уже нѣтъ. Гдѣ она? И не сонъ ли мнѣ снился?

1 мн.

Сегодня первое мая, — праздникъ рабочихъ. Я люблю этотъ день. Въ немъ много свѣта и ра-

дости. Но именно сегодня, я бы охотно убилъ Генераль-Губернатора.

Онъ сталъ остороженъ. Онъ прячется во дворцѣ и мы напрасно слѣдимъ за нимъ. Мы видимъ только сыщиковъ и солдатъ. И они видятъ насъ. Я думаю поэтому прекратить наблюденіе.

Я узналъ: 14-го, въ день коронаціи онъ поѣдетъ въ театръ. Мы запремъ Кремлевскія ворота. Валя станетъ у Спасскихъ, Ѳедоръ у Троицкихъ, Генрихъ у Боровичьихъ. И здѣсь будетъ наше терпѣніе.

Я радуюсь заранѣе побѣдѣ. Я вижу кровь на мундирѣ. Вижу темные своды церкви, зажженные свѣчи. Слышу пѣніе молитвъ, душный ладанъ кадила. Я хочу ему смерти.

Я хочу ему „огня и озера огненнаго“.

2 мая.

Эти дни я, какъ въ лихорадкѣ. Вся моя воля въ одномъ: въ моемъ желаніи убить. Каждый день я зорко смотрю: нѣтъ ли за мной шпионовъ. Я боюсь, что мы поѣдемъ, но не пожнемъ, что насъ арестуютъ. Но я не сдамся живымъ.

Я живу теперь въ гостинницѣ „Бристоль“. Вчера принесли мнѣ мой паспортъ. Принесъ изъ участка сыщикъ. Онъ топчется на порогѣ и говоритъ:

— Осмѣлюсь спросить, господинъ приставъ спрашиваютъ, какого изволите быть вѣроисповѣданія?

Станный вопросъ. Въ паспортѣ сказано, что я лютеранинъ. Я не поворачивая головы говорю:

— Какъ?

— Какого исповѣданія-съ? Вѣры какой-съ?

Я беру въ руки паспортъ. Я громко читаю англійскій титулъ лорда Ландседоуна: „We, Henry Charles Keith Petty Fitz Maurice Marquess of Lansdowne, Earl Wycombe“ и т. д. Я не умѣю читать по англійски. Я произношу всѣ буквы подрядъ.

Сыщикъ внимательно слушаетъ.

— Понялъ?

— Такъ точно.

Я говорю съ сильнымъ акцентомъ:

— Иди къ приставу, скажи: сейчасъ телеграмма посланнику. Понялъ?

— Такъ точно.

Я стою спиною къ нему, смотрю въ окно. Я говорю очень громко.

— А теперь, — пошелъ вонъ.

Онъ съ поклономъ уходитъ. Я остаюсь одинъ. Неужели за мной слѣдятъ?

В мнѣ.

Мы встрѣтились въ Кунцевѣ, у полотна желѣзной дороги: я, Ваня, Генрихъ и Федоръ. Они въ сапогахъ бутылками, въ картузахъ: по мужицки.

Я говорю:

— 14-го Генераль-Губернаторъ поѣдетъ въ театръ. Нужно теперь же рѣшить мѣста. Кто броситъ первую бомбу?

Генрихъ волнуется:

— Первое мѣсто мнѣ.

У Ваши русые кудри, сѣрые глаза, блѣдный лобъ. Я вопросительно смотрю на него.

Генрихъ повторяетъ:

— Непремѣнно мнѣ, непременно.

Ваня ласково улыбается:

— Нѣтъ, Генрихъ, я жду очень давно. Не огорчайтесь: за мною право. За мною первое мѣсто.

Федоръ равнодушно пыхтитъ папиросою.

Я спрашиваю:

— Федоръ, а ты?

— Что-жъ, я всегда готовъ.

Тогда я говорю:

— Генераль-Губернаторъ вѣроятно поѣдетъ черезъ Спасскую башню. Ваня станетъ у Спасской, у Троицкой Федоръ, Генрихъ у Боровичьей. Ваня броситъ первую бомбу.

Всѣ молчатъ.

По желѣзнодорожному полотну выются тонкіе рельсы. Столбы телеграфа уходятъ вдаль. Тихо. Только проволока гудитъ.

— Слушай, — говоритъ Ваня, — я вотъ о чемъ думалъ. Вѣдь легко ошибиться. Бомба вѣсомъ 4 кило. Бросишь съ рукъ, — не всегда попадешь. Попадешь, напримѣръ, въ заднее колесо, — ну и останется живъ. Помнишь, какъ 1-го марта, какъ Рысаковъ.

Генрихъ волнуется:

— Да, да.. Какъ же быть?

Федоръ внимательно слушаетъ. Ваня говоритъ:

— Лучшее средство: кинуться подъ ноги лошадымъ.

— Ну?

— Ну, навѣрное взорветъ карету и лошадей.

— И тебя тоже взорветъ.

— И меня.

Федоръ съ презрѣніемъ пожимаетъ плечами:

— Не надо этого ничего. И такъ убьемъ. Подбѣжать къ окну, да въ стекло. Вотъ и готово дѣло.

Я смотрю на нихъ. Федоръ навзничъ лежитъ на травѣ и солнце жжетъ его смуглыя щеки. Онъ жмурится: радъ веснѣ. Ваня блѣдный, задумчиво смотритъ въ даль. Генрихъ ходитъ взадъ и впередъ и порывисто куритъ. Надъ нами синее небо.

Я говорю:

— Я скажу, когда продавать пролетки. Федоръ одѣнется офицеромъ, ты, Ваня, — швейцаромъ, вы, Генрихъ, останетесь мужикомъ, въ поддевки.

Федоръ поворачивается ко мнѣ. Онъ доволенъ. Смѣется:

— Я, говоришь, его благородіемъ... Ловко... Значитъ, безъ пяти минутъ баринъ.

Ваня говоритъ:

— Жоржикъ, нужно еще о снарядахъ подумать.

Я встаю:

— Будь спокоенъ. Все помню.

Я жму имъ всѣмъ руки. На дорогѣ меня догоняетъ Генрихъ:

— Жоржъ.

— Ну что?

— Жоржъ... Какъ же это... Какъ же Ваня пойдетъ?

— Такъ и пойдетъ.

— Значитъ, погибнетъ?

— Погибнетъ.

Онъ смотритъ себѣ подъ ноги, на траву. На свѣ-
жей травѣ слѣды нашихъ ногъ.

— Я этого не могу, — говоритъ онъ глухо.

— Чего не могу?

— Да этого... Что бы онъ шель...

Онъ останавливается. Онъ говоритъ быстро:

— Лучше я первый пойду. Я погибну. Какъ же такъ, если его повѣсятъ? Вѣдь повѣсятъ? Повѣсятъ?

— Конечно, повѣсятъ.

— Ну, такъ я не могу. Какъ будемъ жить, если онъ умретъ? Пусть лучше повѣсятъ меня.

— И васъ, Генрихъ, повѣсятъ.

— Нѣтъ, Жоржъ, слушайте, нѣтъ... Неужели его не будетъ? Вотъ мы спокойно рѣшили, а отъ нашего рѣшенія Ваня навѣрное погибнетъ. Главное, что навѣрное. Нѣтъ, Бога ради, нѣтъ...

Онъ щиплетъ бородку. Руки его дрожатъ. Я говорю:

— Вотъ что, Генрихъ, одно изъ двухъ: или такъ или этакъ. Или терроръ и тогда оставьте всѣ эти скучные разговоры или разговаривайте и уйдите назадъ, — въ университетъ.

Онъ молчитъ. Я беру его подъ руку.

— Помните, Того своимъ японцамъ сказалъ: „я жалѣю лишь объ одномъ, что у меня нѣтъ дѣтей, которые бы раздѣлили съ вами вашу участь“. Ну и мы должны жалѣть объ одномъ, что не можемъ раздѣлить участи Вани. И не о чемъ плакать.

Близко Москва. На солнцѣ искрится Тримфальная арка. Генрихъ подымаетъ глаза:

— Да, Жоржъ, вы правы.

Я смѣюсь:

— И подождите еще: *suum quique*.

7 мая.

Эрна приходитъ ко мнѣ, садится въ уголь и курить. Я не люблю, когда женщины курятъ. И мнѣ хочется ей объ этомъ сказать.

— Скоро, Жоржикъ? — спрашиваетъ она.

— Скоро.

— Когда?

— 14-го, въ Коронацію.

Она кутается въ теплый платокъ. Видны только ея голубые глаза.

— Кто первый?

— Ваня.

— Ваня?

— Да, Ваня.

Мнѣ неприятны ея большія руки, неприятенъ ласковый голосъ, неприятенъ румянецъ щекъ. Я отворачиваюсь. Она говоритъ:

— Когда готовить снаряды?

— Подожди. Я скажу.

Она долго курить. Потомъ встаетъ и молча ходитъ по комнатѣ. Я смотрю на ея волосы. Они льняные и вьются на вискахъ и на лбу. Неужели я могъ ее цѣловать?

Она останавливается. Засматриваетъ мнѣ робко въ глаза:

— Вѣдь ты вѣришь въ удачу?

— Конечно.

Она вздыхаетъ:

— Дай Богъ.

— А ты, Эрна, не вѣришь?

— Нѣтъ, вѣрю.

Я говорю:

— Если не вѣришь, — уйди.

— Что ты, Жоржикъ, милый. Я вѣрю.

Я повторяю:

— Уйди.

— Жоржъ, что съ тобою?

— Ахъ, ничего. И оставь меня ради Бога.

Она опять прячется въ уголъ, снова кутается въ платокъ.

Я не люблю этихъ женскихъ платковъ. Я молчу.

Тикаютъ на каминѣ часы. Я боюсь: я жду жалобъ и слезъ.

— Жоржикъ.

— Что, Эрна?

— Нѣтъ. Ничего.

— Ну такъ, прощай. Я усталъ.

Въ дверяхъ она шепчетъ грустно:

— Милый, прощай.

Ея плечи опущены. Губы дрожатъ.

Мнѣ ее жаль.

8 мая.

Говорятъ, гдѣ нѣтъ закона, нѣтъ и преступленія. Въ чемъ же мое преступленіе, если я цѣлую Елену? Въ чемъ вина, если я не хочу больше Эрны. Я спрашиваю себя. Я не нахожу отвѣта.

Если бы у меня былъ законъ, я бы не убивалъ,

я, вѣроятно, не цѣловаль бы Эрны, не искалъ бы Елены. Но въ чемъ мой законъ?

Говорять еще, — нужно любить человѣка. А если нѣтъ въ сердцѣ любви? Говорять нужно его уважать. А если нѣтъ уваженія? Я на границѣ жизни и смерти. Къ чему мнѣ слова о грѣхѣ? Я могу сказать про себя: „я взглянулъ, и вотъ конь блѣдный и на немъ всадникъ, которому имя смерть“. Гдѣ ступаетъ ногой этотъ конь, тамъ вянетъ трава, а гдѣ вянетъ трава, тамъ нѣтъ жизни, значить, нѣтъ и закона. Ибо смерть — не законъ.

9 мая.

Федоръ продалъ на Коцной свой выѣздъ. Онъ уже офицеръ, драгунскій корнетъ. Звякаютъ шпоры, звенить сабля по мостовой. Въ формѣ онъ выше ростомъ и походка у него увѣреннѣе и тверже.

Мы сидимъ съ нимъ въ Сокольникахъ, на пыльномъ кругу. Поютъ въ оркестрѣ смычки. Мелькаютъ мундиры военныхъ, бѣлые туалеты дамъ. Солдаты отдають Федору честь.

Онъ говоритъ:

— Слышь, какъ по твоему, сколько плочено вотъ за этотъ костюмъ?

Онъ тычетъ въ нарядную даму за сосѣднимъ столомъ.

Я пожимаю плечами:

— Не знаю. Рублей, вѣроятно, двѣсти.

— Двѣсти?

— Ну да.

Молчаніе.

— Слышь.

— Что?

— А я вотъ работалъ, — цѣлковый въ день получалъ.

— Ну?

— Ну, ничего.

Вспыхиваютъ электрическіе огни. Низко надъ нами сіяетъ матовый шаръ. На бѣлой скатерти сінія тѣни.

— Слышь.

— Что, Федоръ?

— А что ты думаешь, если къ примѣру, этихъ?

— Что этихъ?

— Ну, бомбой.

— Зачѣмъ?

— Что бы знали.

— Что знали?

— Что рабочіе люди, какъ мухи мрутъ.

— Федоръ, это вѣдь анархизмъ.

Онъ переспрашиваетъ:

— Чего?

— Анархизмъ это, Федоръ.

— Анархизмъ?.. Экое слово... Вотъ за этотъ костюмъ плочено двѣсти рублей, а дѣги копѣечку просятъ. Это какъ?

Мнѣ странно видѣть его серебряные погоны, бѣлый китель, бѣлый околышъ. Мнѣ странно слышать эти слова.

Я говорю:

— Чего ты сердишься, Федоръ?

— Эхъ, нѣту правды на свѣтѣ. Мы день деньскою на заводѣ, матери воють, сестры по улицамъ шляются... А эти... двѣсти рублей... Эхъ... Бомбой бы ихъ всѣхъ, безусловно.

Тонуть во мракѣ кусты, жутко черпѣть лѣсъ. Федоръ облокотился о столъ и молчить. Въ его глазахъ злоба.

— Бомбой бы ихъ всѣхъ безусловно.

10 мая.

Осталось всего три дня. Черезъ три дня Генераль-Губернаторъ будетъ убитъ. Неправное обратится въ тлѣнъ.

Образъ Елены заволокло туманомъ. Я закрываю глаза, я хочу его воскресить. Я знаю: у нея черные волосы и черныя брови, у ней тонкія руки. Но я не вижу ее. Я вижу мертвую маску. И всетаки въ душѣ живетъ тайная вѣра: она опять будетъ моею.

Мнѣ теперь все равно. Вчера была гроза, гремѣлъ первый громъ. Сегодня трава умылась и въ Сокольникахъ расцвѣтаетъ сирень. На закатѣ кукуетъ кукушка. Но я не замѣчаю весны. Я почти забылъ объ Еленѣ. Ну, пусть она любитъ мужа, пусть она не будетъ моею. Я одинъ. Я останусь одинъ.

Я такъ говорю себѣ. Но я знаю: уйдутъ короткіе дни и я опять буду мыслью съ нею. Жизнь замкнется въ кованный кругъ. Если только уйдутъ эти дни...

Сегодня я шелъ по бульвару. Еще пахло дождемъ, но уже щебетали птицы. Справа, на мокрой дорожкѣ рядомъ со мной я замѣтилъ какого-то господина. Онъ еврей, въ котелкѣ, въ длинномъ желтомъ пальто. Я свернулъ въ глухой переулокъ. Онъ сталъ на углу и долго смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ.

Я спрашиваю себя опять: не слѣдятъ ли за мною?

11 мая.

Ваня все еще извозчикъ. Онъ по праздничному пришелъ ко мнѣ на свиданіе. Мы сидимъ на скамьѣ у Христа Спасителя въ скверѣ.

— Жоржикъ, вотъ и конецъ.

— Да, Ваня, конецъ.

— Какъ я радъ. Какъ я буду счастливъ и гордъ. Знаешь, вся жизнь мнѣ чудится сномъ. Будто я на то и родился, чтобы умереть и... убить.

Бѣлый храмъ уходитъ главами въ небо. Впизу на солнцѣ блещетъ рѣка. Ваня спокоенъ. Онъ говоритъ:

— Трудно въ чудо повѣрить. А если въ чудо повѣришь, то уже нѣтъ вопросовъ. Зачѣмъ насилье тогда? Зачѣмъ мечъ? Зачѣмъ кровь? Зачѣмъ „не убій?“ А вотъ нѣтъ въ насъ вѣры. Чудо, молъ, дѣтская сказка. Но слушай и самъ скажи, сказка или нѣтъ. И быть можетъ вовсе не сказка, а правда. Ты слушай.

Онъ вынимаетъ черное, въ кожаномъ перелетѣ Евангеліе. На верхней крышкѣ тисненый позолоченый крестъ.

„Иисусъ говорить: отнимите камень. Сестра умершаго, Марфа, говорить ему: „Господи! уже смердитъ, ибо четыре дня, какъ онъ во гробѣ.

„Иисусъ говорить ей: не сказалъ ли я тебѣ, что, если будешь вѣровать, увидишь славу Божию?

„Итакъ отняли камень, гдѣ лежалъ умершій. Иисусъ же возвелъ очи къ небу и сказалъ: Отче, благодарю Тебя, что Ты услышалъ Меня.

„Я и зналъ, что Ты всегда услышишь Меня, но сказалъ для народа, здѣсь стоящаго, чтобы повѣрили, что Ты послалъ Меня.

„Сказавъ это, Онъ воззвалъ громкимъ голосомъ: Лазарь, иди вошь.

„И вышелъ умершій, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платкомъ. Иисусъ говорить имъ: развяжите его, пусть идетъ“.

Ваня закрылъ Евангеліе. Я молчу. Онъ задумчиво повторяетъ:

— „Господи! уже смердитъ, ибо четыре дня, какъ онъ во гробѣ...“

Въ сивемъ воздухѣ вьются ласточки. За рѣкою въ монастырѣ звонять къ вечернямъ. Ваня вполголоса говорить:

— Слышишь, Жоржикъ, четыре дня...

— Ну?

— Великое чудо.

— И Серафимъ Саровскій — чудо?

Ваня не слышитъ.

— Жоржъ.

— Что Ваня?

— Слушай.

„Марія стояла у гроба и плакала. И когда плакала, наклонилась во гробъ.

„И видитъ двухъ ангеловъ, въ бѣломъ одѣяніи сидящихъ, одного у главы, другого у ногъ, гдѣ лежало тѣло Іисуса.

„И они говорятъ ей: жена, что ты плачешь? Говоритъ имъ: унесли Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его.

„Сказавши сіе, обратилась назадъ и увидѣла Іисуса стоящаго, но не узнала, что это Іисусъ.

„Іисусъ говоритъ ей: жена! что ты плачешь? Кого ищешь? Она, думая, что это садовникъ, говоритъ Ему: Господинь! Если Ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ Ты положилъ Его, и я возьму Его.

„Іисусъ говоритъ ей: Марія! Она, обратившись, говоритъ ему: Раввун! что значить: Учитель!“

Ваня умолкъ. Тихо.

— Слышалъ, Жоржъ?

— Слышалъ.

— Развѣ сказка? Скажи.

— Ты, Ваня, вѣришь?

Онъ говоритъ наизусть:

„Томъ же одинъ изъ двѣнадцати, называемый Близнаецъ, не былъ тутъ съ ними, когда приходилъ Іисусъ.

„Другіе ученики сказали ему: мы видѣли Господа. Но онъ сказалъ имъ: если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его, не повѣрю.

„Послѣ восьми дней опять были въ домъ ученики Его, и Томъ съ ними. Пришелъ Іисусъ, когда

двери были заперты, сталь посреди нихъ и сказалъ имъ: миръ вамъ!

„Потомъ говоритъ Ѳомѣ: подай перстъ твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи въ ребра Мои, и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ.“

„Ѳома сказалъ ему въ отвѣтъ: Господь мой и Богъ мой!

„Иисусъ говоритъ ему: ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“.

— Да, Жоржъ, — „блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“.

Тааетъ день, весенцею тянетъ прохладой. Ваня встряхиваетъ кудрями:

— Ну, Жоржикъ, прощай. Навсегда прощай. И будь счастливъ.

Въ его чистыхъ глазахъ печаль. Я говорю:

— Ваня, а „не убій?“...

— Нѣтъ, Жоржикъ, — убій.

— Это ты говоришь?

— Да, я говорю. Убій, чтобы не убивали. Убій, чтобы люди по Божьи жили, чтобы любовь освятила міръ.

— Это кощунство, Ваня

— Знаю. А „не убій“ — не кощунство?

Онъ протягиваетъ мнѣ обѣ руки. Улыбается большой и свѣтлой улыбкой. И вдругъ цѣлуетъ крѣпко, какъ братъ.

— Будь счастливъ, Жоржикъ.

Я тоже цѣлую его.

У меня сегодня было свиданье съ Федоромъ въ кондитерской City. Мы сговаривались о подробностяхъ покушенія.

Я первый вышелъ на улицу. У сосѣднихъ воротъ я замѣтилъ трехъ сыщиковъ. Я узналъ ихъ по быстрымъ глазамъ, по ихъ напряженнымъ взглядамъ. Я застылъ у окна. Я самъ превратился въ сыщика. Я ищейкой слѣдилъ за ними. Для насъ они или нѣтъ?

Вотъ вышелъ Федоръ. Онъ спокойно пошелъ на Неглинный. И сейчасъ же одинъ изъ шпионовъ, высокій, рыжій, въ бѣломъ фартукѣ и засаленномъ картузѣ, бросился на извозчика. Двое другихъ побѣжали за нимъ бѣгомъ. Я хотѣлъ догнать Федора, я хотѣлъ остановить его. Но онъ взялъ случайнаго лихача. За нимъ помчалась вся свора, — стая злобныхъ борзыхъ. Я былъ увѣренъ, что онъ погибъ.

Я тоже былъ не одинъ. Кругомъ какіе то странные люди. Вотъ человекъ въ пальто съ чужого плеча. Голова низко опущена, красныя руки сложены на спинѣ. Вотъ какой то хромоу въ рваныхъ заплаткахъ, нищій съ Хитрова рынка. Вотъ мой недавній знакомый, еврей. Онъ въ цилиндрѣ, съ черной, подстриженной бородой. Я понялъ, что меня арестуютъ.

Бьетъ двѣнадцать часовъ. Въ часъ у меня свиданіе съ Ваней въ Георгіевскомъ переулкѣ. Ваня еще не продалъ пролетки. Онъ извозчикъ. Я втайнѣ надѣюсь, что онъ увезетъ меня.

Я иду на Тверскую. Я хочу затеряться въ толпѣ, утонуть въ уличномъ морѣ. Но опять впереди та же фигура: руки сложены на спинѣ, ноги путаются въ полахъ пальто. И опять рядомъ черный еврей въ цилиндрѣ. Я замѣтила: онъ не спускалъ съ меня глазъ.

Я свернулъ въ переулокъ. Вани тамъ нѣтъ. Я дошелъ до конца и повернулъ круто обратно. Чьи то глаза гвоздями впились въ меня. Кто-то зоркій слѣдитъ, кто-то юркій не отстаётъ ни на шагъ.

Я опять на Тверской. Я помню: тамъ за угломъ пассажъ, двери на переулокъ. Я вбѣгаю. Я прячусь въ воротахъ. Прижался спиной къ стѣнѣ и застылъ. Длятся минуты — часы. Я знаю: тутъ же рядомъ черный еврей. Онъ караулитъ. Онъ ждетъ. Онъ кошка, — я мышь. До дверей четыре шага. Я ставлю браунингъ на „огонь“, мѣрю расстояние глазами. И вдругъ, — однимъ прыжкомъ въ переулокъ. Ваня медленно ѣдетъ навстрѣчу. Я бросаюсь къ нему:

— Ваня, гони!

Стучать колеса по мостовой, на поворотахъ трещать рессоры. Мы сворачиваемъ за уголъ. Ваня хлещетъ свою лошаденку. Я оборачиваюсь назадъ: пустой переулокъ колѣномъ. Нѣтъ никого. Мы ушли.

Итакъ, нѣтъ колебаній: за нами слѣдятъ. Но я не теряю надежды. А если это только случайное наблюдение? Если они не знаютъ, кто мы? Если мы успѣемъ закончить дѣло? Если сумѣемъ убить?

Но я вспоминаю: Федоръ. Что съ нимъ? Не арестованъ ли онъ?

Федоръ ждетъ меня на Софійнкѣ въ ресторанѣ „Медвѣдь“. Я долженъ увидѣть его. Если онъ окруженъ,—дѣло погребло. Если ему удалось уйти,—мы дотянемъ до завтра и завтра же побѣдимъ.

Я за трактирнымъ столомъ, у окна. Мнѣ видна улица, видѣнъ городской въ намокшемъ плащѣ, извощикъ съ поднятымъ верхомъ, зонтики рѣдкихъ прохожихъ. Дождь барабанить по стекламъ, уныло струится съ крышъ. Сѣро и скучно.

Входитъ Федоръ. Звякаютъ шпоры, овъ здороваётся со мной. А на улицѣ, подъ дождемъ вырастаютъ знакомыя мнѣ фигуры. Двое, спрятавъ мокрая лица въ воротники, караулятъ подъѣздъ. Съ городovýmъ на углу, на чеку еще двое. Одинъ изъ нихъ вчерашній хромой. Я ищу глазами еврея. Вотъ, конечно, и онъ, — подъ рѣзнымъ навѣсомъ воротъ.

Я говорю:

— Федоръ, за нами слѣдятъ.

— Чего ты?

— Слѣдятъ.

— Не можетъ этого быть.

Я беру его за рукавъ:

— Ну-ка, взгляни.

Онъ пристально смотритъ въ окно. Потомъ говоритъ:

— Глянь-ка, вонъ этотъ хромой, ишь песъ, какъ

вымокъ... Да-а.. Дѣла... Чего дѣлать-то, Жоржъ?
Домъ оцѣпленъ полиціей. Намъ едва-ли уйти,
Насъ схватятъ на улицѣ.

— Ѳедоръ, револьверъ готовъ?

— Револьверъ? Восемь патроновъ.

— Ну, братъ, идемъ.

Мы спускаемся съ лѣстницы. Ливрейный швейцаръ почтительно распахнулъ передъ нами дверь. Въ карманѣ пальто револьверъ, рука на куркѣ. На десять шаговъ мы безъ промаха бьемъ въ туза.

Мы идемъ плечо о плечо. Звеня волочится сабля. Я знаю: Ѳедоръ рѣшился. Я рѣшился давно.

Вдругъ Ѳедоръ локтемъ толкаетъ меня. Онъ шепчетъ скороговоркой:

— Гляди, Жоржъ, гляди.

На углу одинокій лихачъ.

— Баринъ, вотъ рѣзвая... Баринъ...

— Пять цѣлковыхъ на чай. Шевели.

Призовой рысакъ мчится крупною рысью. Намъ въ лицо летятъ комья грязи. Сѣтка дождя затянула небо. Гдѣ-то сзади слышно: держи!

Отъ коня валитъ густой паръ. Я трясу кучера за плечо:

— Эй, лихачъ, еще пять рублей.

Въ паркѣ соскакиваемъ въ кусты. Мокро. Брызжутъ деревья. Дождь размылъ всѣ дорожки. Мы бѣжимъ по лужамъ бѣгомъ.

— Ѳедоръ, прощай. Уѣзжай сегодня-же въ Тверь.

Его форменное пальто мелькнуло въ зеленыхъ кустахъ и скрылось. Подъ-вечеръ я въ Москвѣ. Я въ гостиницу не вернусь. Дѣло погибло безпо-

воротно. А что съ Ваней? Съ Генрихомъ? съ Эрной?

У меня нѣтъ почлега и я долую ночь брожу по Москвѣ. Таеъ лѣниво время. До разсвѣта еще далеко. Я усталъ и продрогъ и у меня болятъ ноги. Но въ сердцѣ надежда: упованіе мое со мною.

14 мая.

Я сегодня вызвалъ Елену запиской. Она пришла ко мнѣ въ Александровскій садъ. У ней сіяющіе глаза и черныя кудри. Я говорю:

— Большія воды не мѣгутъ потушить любви и рѣки не зальютъ ее, ибо любовь крѣпка, какъ смерть. Елена, скажите, и я брошу все. Я уйду изъ революціи, уйду изъ террора. Я буду вашимъ слугою.

Она смотритъ на меня, улыбаясь. Потомъ задумчиво говоритъ:

— Нѣтъ.

Я наклонился къ ней близко. Я шепотомъ говорю:

— Елена... Вы любите его?... Да?

Она молчитъ.

— Вы не любите меня, Елена?

Она вдругъ сильнымъ движеніемъ протягиваетъ ко мнѣ свои длинныя, тонкія руки. Она обнимаетъ меня. Она шепчетъ мнѣ:

— Люблю, люблю. Люблю.

Я услышалъ ея слова, я почувствовалъ ея тѣло. Живая радость вспыхиваетъ во мнѣ и я говорю съ усиліемъ:

— Я уѣзжаю, Елена.

— Куда?

— Въ Петербургъ.

Она блѣднѣетъ. Я смотрю ей прямо въ глаза:

— Вотъ что, Елена. Вы не любите меня. Вы не знаете меня. Если бы вы любили, вы бы мучились мною. Вотъ за мною слѣдятъ. Я на одномъ волоскѣ. Можетъ быть, завтра меня повѣсятъ. Но мнѣ все равно: вы не любите меня.

Она съ тревогой переспрашиваетъ меня:

— Вы сказали: за вами слѣдятъ?

Сухо шепчетъ вечерній вѣтеръ, пахнетъ дождемъ. Въ паркѣ нѣтъ никого: мы одни. Я говорю громко:

— Да, слѣдятъ.

— Жоржъ, милый, уѣзжайте скорѣе, скорѣе...

Я смѣюсь:

— И больше не возвращайтесь?

Она говоритъ:

— Я люблю васъ, Жоржъ.

— Не смѣйте. Какъ смѣете вы говорить о любви? Развѣ это любовь? Вы съ мужемъ и я для васъ чужой и развѣ любимый?

— Я люблю васъ, Жоржъ.

— Любите?... Вы вѣдь съ мужемъ.

— Ахъ, съ мужемъ... Не говорите же про него.

— Вы его любите? Да?

Но она снова молчитъ.

Тогда я ей говорю:

— Слушайте, Елена, я люблю васъ и я вернусь.

И вы будете моею. Да, вы будете моею.

Она опять обнимаетъ меня.

— Милый, я съ вами, я ваша...

— И его? Да, — и его?

Я уйду. Гаснетъ вечеръ. Желтымъ свѣтомъ горять фонари. Гнѣвъ душитъ меня. Я говорю себѣ: его и моя, моя и его. И его, и его, и его.

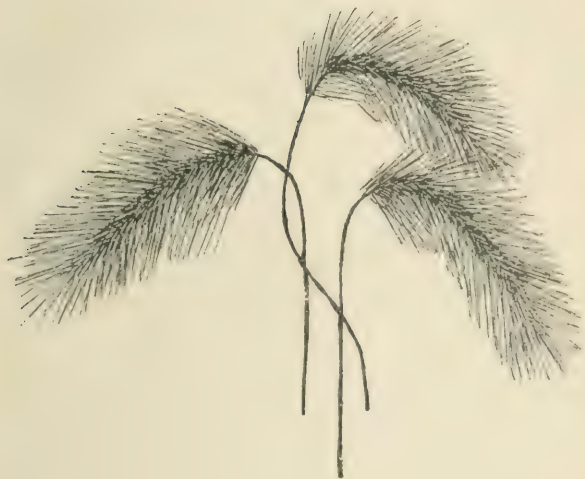
15 мая.

Сегодня въ газетахъ напечатано:

„Втеченіе послѣдней недѣли чинами Охраннаго Отдѣленія было обнаружено приготовленіе къ покушенію на жизнь Московскаго Генераль-Губернатора, каковое покушеніе должно было состояться 14-го сего мая, по окончаніи божественной литургии въ Успенскомъ Соборѣ. Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ преступной шайкѣ не удалось привести свой злодѣйскій умыселъ въ исполненіе, члены же ея скрылись и до сихъ поръ не задержаны. Къ розыску ихъ также приняты мѣры“.

Мнѣ смѣшно: „приняты мѣры“. Развѣ мы не приняли своихъ? Побѣда еще не за нами, но въ этомъ ли пораженіе? Генераль-Губернаторъ, конечно, живъ, но вѣдь и мы живы. Федоръ, Эрн и Генрихъ уже уѣхали изъ Москвы, Ваня и я уѣзжаемъ сегодня. Мы вернемся обратно. Наше слово — законъ, и намъ — отмщеніе.

Кто ведетъ въ плѣнъ, тотъ самъ пойдетъ въ плѣнъ. Кто поднялъ мечъ, тотъ отъ меча и погибнетъ. Такъ написано въ книгѣ жизни. Мы раскроемъ ее и снимемъ печати: Генераль-Губернаторъ будетъ убитъ.

4 июля.

Прошло шесть недѣль, я снова въ Москвѣ. Это время я прожилъ въ старой дворянской усадьбѣ. Отъ бѣлыхъ воротъ — лента дороги: зеленый большакъ съ молодыми березками по краямъ. Справа и слѣва желтѣютъ поля. Шепчетъ рожь, гнется овесъ махровой головкой. Въ полдень, въ зной я ложусь на мягкую землю. Ратью стоятъ колосья, алѣетъ макъ. Пахнетъ кашкой, душистымъ горошкомъ. Лѣниво таютъ облака. Лѣниво въ облакахъ парить ястребъ. Плавно взмахнетъ крыломъ и замретъ. Съ нимъ замретъ и весь міръ: зной и черная точка вверху.

И слѣжу за нимъ прилежнымъ взглядомъ. И мнѣ приходитъ на память:

... Всю природу, какъ туманъ
Дремота жаркая объемлетъ
И самъ теперь великій Панъ
Въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ.

А въ Москвѣ ѣдкая пыль и смрадъ. По пыльнымъ улицамъ тащатся вереницы ломовиковъ. Тяжело грохочутъ колеса. Тяжело везутъ тяжелые кони. Стучатъ пролетки. Ноютъ шарманки. Звонко звонятъ звонки конокъ. Ругань и крикъ.

Я жду ночи. Ночью городъ уснетъ, утихнутъ людская зыбь. И въ ночи опять заблещетъ надежда:

„Я дамъ тебѣ звѣзду утреннюю“.

6 июля.

Я больше не англичанинъ. Я купеческій сынъ

Фроль Семеновъ Титовъ, лѣсной торговецъ съ Урала. Я стою на Маросейкѣ въ дрянныхъ номерахъ и по воскресеньямъ хожу къ обѣднѣ въ приходскую церковь Живоначальной Троицы. Самый опытный глазъ не узнаетъ во мнѣ Джоржа О'Бриена. Самый опытный сыщикъ не заподозритъ революціонера.

Въ моей комнатѣ на столѣ грязная скатерть, у стола хромоногій стулъ. На подоконникѣ кустъ увядшей герани, на стѣнѣ портреты царей. Утромъ шипитъ нечищенный самоваръ, хлопаютъ въ корридорѣ двери. Я одинъ въ своей клѣткѣ.

Наша первая неудача родила во мнѣ злобу. Генераль-Губернаторъ все еще живъ. Я и раньше желалъ ему смерти, но теперь злоба владѣетъ мною. Я живу нераздѣльно съ нимъ. Ночью я не смыкаю глазъ: шепчу его имя, утромъ — первая мысль о немъ. Вотъ онъ сѣдой старикъ съ блѣдной улыбкой на безкровныхъ губахъ. Онъ презираетъ насъ. Онъ ищетъ намъ смерти. Въ его рукахъ власть.

Я ненавижу его точеный дворецъ, рѣзные гербы на воротахъ, его кучера, его охрану, его карету, его коней. Я ненавижу его золотыя очки, его стальные глаза, его впалыя щеки, его осанку, его голосъ, его походку. Я ненавижу его желанья, его мысли, его молитвы, его праздную жизнь, его сытыхъ и чистыхъ дѣтей. Я ненавижу его самого, — его вѣру въ себя, его ненависть къ намъ. Я ненавижу его.

Уже пріѣхали Эрнъ и Генрихъ. Я жду Ваню и Федора. Въ Москвѣ тихо, о насъ забыли. 15-го, въ

день своихъ именинъ, онъ поѣдетъ въ театръ. Мы уьемъ его на дорогѣ.

10 іюля.

Изъ Петербурга снова пріѣхалъ Андрей Петровичъ. Я вижу его лимоннаго цвѣта лицо, сѣдую бородку клиномъ. Онъ въ смущеніи мѣшаетъ ложечкой чай.

— Читали, Жоржъ, разогнали Думу?

— Читалъ.

— Да-а... Вотъ вамъ и конституція...

На немъ черный галстукъ, старомодный, грязный сюртукъ. Грошовая сигара въ зубахъ.

— Жоржъ, какъ дѣла?

— Какія дѣла?

— Да вотъ... насчетъ Генераль-Губернатора.

— Дѣла идутъ по хорошему.

— Что-то ужъ очень долго... Теперь бы вотъ...

Самое время...

— Если долго, Андрей Петровичъ, — поторопитесь.

Онъ сконфузился, — барабанить пальцами по столу.

— Слушайте, Жоржъ.

— Ну?

— Комитетъ постановилъ усилить терроръ.

— Ну?

— Я говорю: рѣшено въ виду разгона Думы усилить терроръ.

Я молчу. Мы сидимъ въ грязномъ трактирѣ

„Прогрессъ“. Хрипло гудитъ машина. Въ синемъ дыму бѣлѣютъ фартуки половыхъ.

Андрей Петровичъ ласково говоритъ:

— Скажите, Жоржъ, вы довольны?

— Чѣмъ доволенъ, Андрей Петровичъ?

— Да вотъ... усиленіемъ.

— Чего?

— Бояе мой... Я же вамъ говорю: усиленіемъ террора.

Онъ искренно радъ сдѣлать мнѣ удовольствіе. Я смѣюсь:

— Усиленіемъ террора? Что же? Дай Богъ.

— А вы что думаете объ этомъ?

— Я? Ничего.

— Какъ ничего?

Я встаю.

— Я, Андрей Петровичъ, радъ рѣшенію Комитета, но усиливать терроръ не берусь.

— Но почему же, Жоржъ? Почему?

— Попробуйте сами.

Онъ въ изумленіи разводитъ руками. У него сухія желтыя руки и пальцы прокопчены табакомъ.

— Жоржъ, вы смѣтаетесь?

— Нѣтъ, не смѣюсь.

Я ухожу. Онъ навѣрное долго еще сидитъ за стаканомъ чая, рѣшаетъ вопросъ: не смѣлся-ли я надъ нимъ и не обидѣлъ-ли онъ меня. А я опять говорю себѣ: бѣдный старикъ, бѣдный взрослый ребенокъ.

11 іюля.

Ваня и Федоръ уже въ Москвѣ. Я подробно ус-

ловился съ ними. Планъ остается тотъ же. Черезъ три дня, 15 іюля, Генераль-Губернаторъ поѣдетъ въ Большой театръ. Чистый сборъ со спектакля поступитъ въ пользу комиссіи о раненныхъ воинахъ. Онъ не можетъ не быть въ театрѣ.

Въ 7 часовъ Эрна отдастъ мнѣ снаряды. Она приготовитъ ихъ въ гостинницѣ, у себя. У ней въ комнатѣ готовыя оболочки и динамитъ. Она высушитъ на горѣлкѣ ртуть, запаляетъ стеклянныя трубки, вставитъ запаль. Она работаетъ хорошо. Я не боюсь случайнаго взрыва.

Въ 8 часовъ я раздамъ снаряды. Ваня станетъ у Спасскихъ воротъ, Ѳедоръ у — Троицкихъ, Генрихъ—у Боровичьихъ. За нами теперь не слѣдятъ. Я въ этомъ увѣренъ. Значитъ намъ дана власть: острый мечъ.

На моемъ столѣ букетъ чахлой сирени. Зеленые листья повикли, блѣдно-лиловые кудри увяли. Я ищу въ увядшихъ цвѣткахъ пять листиковъ,—счастье. И я радъ, когда нахожу его, ибо дерзкимъ, удача.

14 іюля.

Я помню: я былъ на сѣверѣ, за полярнымъ кругомъ, въ норвежскомъ рыбацьемъ поселкѣ. Ни дерева, ни куста, ни даже травы. Голыя скалы, сѣрое небо, сѣрый сумрачный океанъ. Рыбаки въ кожаныхъ курткахъ тянутъ мокрѣя сѣти. Пахнетъ рыбой и ворванью. Все кругомъ мнѣ чужое. И небо, и скалы, и ворвань, и эти люди, и ихъ странный

языкъ. Я терялъ самого себя. Я самъ себѣ былъ чужой.

И сегодня мнѣ все чужое. Я въ Тиволи, противъ открытой сцены. Лысый капельмейстеръ машетъ смычкомъ, уныло свистятъ въ оркестрѣ флейты. На вычищенныхъ подмосткахъ акробаты въ розово-блѣдныхъ трико. Они, какъ кошки, взбираются по столбамъ, съ размаху кидаются внизъ, кружатся въ воздухѣ, перелетаютъ другъ черезъ друга и, яркіе въ ночной темнотѣ, увѣренно хватаются за трапеціи. Я равнодушно смотрю на нихъ, на ихъ упругія и крѣпкія тѣла. Что я имъ и что они мнѣ?.. А мимо скучно снуетъ толпа, шуршатъ шаги по песку. Завитые прикащики и откормленные купцы лѣниво бродятъ по саду. Они, скучая, пьютъ водку, скучая ругаются, скучая смѣются. Женщины жадно ищутъ глазами.

Темнѣютъ вечернія небеса, набѣгаютъ ночныя тучи. Завтра нашъ день. Остро, какъ сталь, встаетъ четкая мысль. Мысль объ убійствѣ. Нѣтъ любви, нѣтъ міра, нѣтъ жизни. Есть только смерть. Смерть— вѣнецъ и смерть — терновый вѣнокъ.

16 іюля.

Вчера съ утра было душно. Въ Сокольникахъ хмуρο молчали деревья. Предчувствовалась гроза. За бѣлою тучей прогремѣлъ первый громъ. Черная тѣнь упала на землю. Зароптали верхушки елей, заклубилась желтая пыль. Дождь прошумѣлъ по листьямъ. Робко, синимъ огнемъ, сверкнула первая молнія.

Въ 7 часовъ я встрѣтился съ Эрной. Она одѣта мѣщанкой. На ней зеленая юбка и вязаный бѣлый платокъ. Изъ подъ платка непослушно выбились кудри. Въ рукахъ большая корзина съ бѣльемъ.

Въ этой корзинѣ снаряды. Я бережно кладу ихъ въ портфель. Тяжелый портфель больно тянетъ мнѣ руку.

Эрна вздыхаетъ:

— Устала?

— Нѣтъ, ничего. Жоржикъ...

— Жоржикъ, можно мнѣ съ вами?

— Эрна, нельзя.

— Жоржъ, милый...

— Нельзя.

Въ ея глазахъ несмѣлая просьба. Я говорю:

— Иди къ себѣ. Въ 12 часовъ приходи на это же мѣсто.

— Жоржъ...

— Эрна, пора.

Еще мокро, дрожатъ березы, но уже заревомъ горитъ вечернее солнце. Эрна одна на скамьѣ. Она до ночи будетъ одна.

Ровно въ 8 часовъ Ваня — у Спасскихъ воротъ, Федоръ — у Троицкихъ, Генрихъ — у Боровичьихъ. Я брожу по Кремлю. Я жду, когда ко дворцу подадутъ карету.

Вотъ вспыхнули во тьмѣ фонари. Стукнули стекляныя двери. По бѣлой лѣстницѣ мелькнула сѣрая тѣнь. Черные кони шагомъ обходятъ крыльцо, медленно трогаютъ рысью. На башнѣ поютъ куранты... Генераль-Губернаторъ уже у Боровичьихъ воротъ... Я стою у памятника Александру II-му.

Надо мною во мракъ статуя царя. Окнами блестить
Кремлевскій дворецъ. Я жду.

Идутъ минуты. Идутъ дни. Идутъ долгіе годы.

Я жду.

Тьма еще гуще, площадь еще чернѣе, башни
выше, тишина глубже.

Я жду.

Снова поютъ куранты.

.....
Я побрелъ къ Боровичьимъ воротамъ. На Возд-
виженкѣ Генрихъ. Онъ въ синей поддевкѣ и въ
картузѣ. Неподвижно стоитъ на мосту. У него въ
рукахъ бомба.

— Генрихъ.

— Жоржъ, это вы?

— Генрихъ, проѣхаль...

— Генераль-Губернаторъ проѣхаль. Мимо васъ.

— Мимо меня?..

Онъ поблѣднѣлъ. Лихорадочно блестятъ расши-
ренные зрачки.

— Мимо меня?..

— Гдѣ вы были? Да, гдѣ вы были?

— Гдѣ?.. Я былъ здѣсь... У воротъ...

— И не видѣли?

— Нѣтъ...

Надъ нами тусклый рожокъ фонаря. Ровно ми-
гаетъ пламя.

— Жоржъ.

— Ну?

— Я не могу... уроню... Возмите... бомбу... скорѣе...

Я почти вырываю у него снарядъ. Такъ мы
стоимъ подъ газовымъ фонаремъ и смотримъ другъ

другу въ глаза. Оба молчимъ. Въ третій разъ бьютъ на башнѣ часы.

— До завтра.

Онъ въ отчаяннѣ машетъ рукой.

— До завтра.

Я ушелъ къ себѣ въ номеръ. Въ корридорѣ шумъ, пьяные голоса. Чахнетъ сирень. Я машинально рву увядшіе листья. Я опять ищу цвѣточное счастье. А губы шепчутъ сами собою:

„Лучше мертвому льву, чѣмъ псу живому“.

17 июля.

Генрихъ, взволнованный, говоритъ:

— Я сначала стоялъ у самыхъ воротъ... Минуть десять стоялъ... Потомъ вижу: городской замѣтилъ. Я пошелъ по Воздвиженкѣ... Вернулся. Постоялъ. Генераль-Губернатора нѣтъ... Снова пошелъ... Вотъ тутъ онъ, навѣрное, и проѣхалъ...

Онъ закрываетъ руками лицо:

— Какой позоръ... Какой стыдъ...

Онъ не спалъ всю ночь на пролетъ. Подъ глазами у него синяя тѣнь и на щекахъ багровыя пятна.

— Жоржъ, вы вѣдь вѣрите мнѣ?

— Вѣрю.

Пауза. Я говорю:

— Слушайте, Генрихъ, зачѣмъ вы идете въ терроръ? Я бы на вашемъ мѣстѣ работалъ въ мирной работѣ.

— Я не могу.

— Почему?

— Ахъ, почему?.. Нуженъ терроръ или нѣтъ? Вѣдь нуженъ... Вы знаете: нуженъ.

— Ну такъ что жъ, что нуженъ?

— Такъ не могу-же я не идти. Какое право имѣю я не идти?.. Вѣдь нельзя же звать на терроръ, говорить о немъ, желать его и самому не дѣлать... Вѣдь нельзя-же... Нельзя?

— Почему нельзя?

— Ахъ, почему?.. Ну, я не знаю, можетъ быть другіе и могутъ... Я не могу...

Онъ опять закрылъ руками лицо, опять шепчетъ, будто во снѣ:

— Боже мой, Боже мой...

Пауза.

Жоржъ, скажите-же прямо, вѣрите вы мнѣ или нѣтъ?

— Я сказалъ: я вамъ вѣрю.

— И дадите мнѣ еще разъ снарядъ?

Я молчу.

Онъ медленно говоритъ:

— Нѣтъ, вы дадите...

Я молчу.

— Ну тогда... Тогда...

Въ его голосѣ страхъ. Я говорю:

— Успокойтесь, Генрихъ, вы получите вашъ снарядъ.

И онъ шепчетъ:

— Спасибо.

Дома я спрашиваю себя: зачѣмъ онъ въ террорѣ? И чья въ этомъ вина? Не моя ли?

Эрна жалуется. Она говорить:

— Когда-же это все кончится, Жоржъ?.. Когда?..

— Что кончится, Эрна?

— Я не могу жить убійствомъ. Я не могу... Надо кончить. Да, поскорѣе кончить...

Мы сидимъ вчетверомъ въ кабинетѣ, въ грязномъ трактирѣ. Мутныя зеркала изрѣзаны именами, у окна разстроенное пианино. За тонкой перегородкой кто-то играетъ „Матчишь“.

Жарко, но Эрна кутается въ платокъ. Федоръ пьетъ пиво. Ваня положилъ блѣдныя руки на столъ и на руки голову. Всѣ молчатъ. Наконецъ, Федоръ сплевываетъ на полъ и говорить:

— Поспѣшишь — людей насмѣшишь... Вишь, дьяволь-Генрихъ: изъ за него теперь остановка.

Ваня подымаетъ глаза:

— Федоръ, не стыдно тебѣ? Зачѣмъ?.. Не виновать Генрихъ ни въ чемъ. Мы всѣ виноваты.

— Ну ужъ и всѣ... А по мнѣ, — назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ...

Пауза. Эрна шепотомъ говорить:

— Ахъ, Господи... Да не все-ли равно, кто правъ и кто виновать... Главное кончить скорѣе... Я не могу. Не могу.

Ваня нѣжно цѣлуетъ ей руку.

— Эрна, милая, вамъ тяжело... А Генриху? А ему?..

За стѣной не умолкаетъ „матчишь“. Пьяный голосъ поетъ куплеты.

— Ахъ, Ваня, что Генрихъ? Я жить не могу...

И Эрна плачетъ навзрыдь.

Федоръ нахмурился. Ваня умолкъ. А мнѣ странно: къ чему отчаяніе и зачѣмъ утѣшеніе?

20 июля.

Я лежу съ закрытыми глазами. Въ растворенное окно шумитъ улица, тяжело вздыхаетъ каменный городъ. Въ полу-снѣ мнѣ чудится: Эрна готовитъ снаряды.

Вотъ она заперла двери на ключъ, глухо щелкнулъ замокъ. Она медленно подходитъ къ столу, медленно зажигаетъ огонь. На чугунной доскѣ свѣтло-сѣрая пыль: гремучая ртуть. Тонкіе, синіе язычки — змѣиные жала — лижутъ желѣзо. Сухитесь взрывчатый порошокъ. Треща поблескиваютъ крупинки. По стеклу ходитъ свинцовый грузикъ. Этотъ грузикъ разобьетъ свинцовую трубку. Тогда будетъ взрывъ.

Одинъ мой товарищъ уже погибъ на такой работѣ. Въ комнатѣ нашли его трупъ, клочки его трупа: разбрызганный мозгъ, окровавленную грудь, разорванныя ноги и руки. Навалили все это на телегу и повезли въ участокъ. Эрна рискуетъ тѣмъ-же.

Ну, а если ее въ самомъ дѣлѣ взорветъ? Если вмѣсто льняныхъ волосъ и голубыхъ удивленныхъ глазъ, будетъ красное мясо?.. Тогда Ваня приготовитъ снаряды. Онъ тоже химикъ. Онъ сумѣетъ исполнить эту работу.

Я открываю глаза. Солнечный лѣтній лучъ про-

бился сквозь занавѣску, блестить на полу. Я забываюсь опять. И опять тѣ же мысли. Почему Генрихъ не бросилъ бомбы? Да, почему?.. Генрихъ—не трусъ. Но ошибка хуже, чѣмъ страхъ. Или это случайность? Его величество случай?

Все равно. Все — все равно. Пусть моя вина въ томъ, что Генрихъ въ террорѣ. Пусть его вина въ томъ, что Генераль-Губернаторъ живъ. Пусть Эрну взорветь. Пусть повѣсятъ Ваню и Федора. Генераль-Губернаторъ все-таки будетъ убитъ. Я такъ хочу. Я встаю. Внизу на площади, подъ окномъ копошатся люди — черные муравьи. Каждый занятъ своей заботой, мелкой злобой дня. Я презираю ихъ. И не правъ-ли, въ сущности, Федоръ:

„Бомбой бы ихъ всѣхъ, безусловно“.

21 июля.

Я былъ сегодня случайно около дома Елены. Тяжелый и грязный онъ угрюмо смотритъ на площадь. Я по привычкѣ ищу скамью на бульварѣ. По привычкѣ считаю время. По привычкѣ шепчу: я ее встрѣчу сегодня.

Когда я думаю о ней, мнѣ почему-то вспоминается странный южный цвѣтокъ. Растеніе тропиковъ, палящаго солнца и выжженныхъ скалъ. Я вижу твердый листъ кактуса, лапчатые зигзаги его стеблей. Посреди заостренныхъ иглъ багрово-красный махровый цвѣтъ. Будто капля горячей крови брызнула и, какъ пурпуръ, застыла. Я видѣлъ этотъ цвѣтокъ на югѣ, въ странномъ и пыш-

номъ саду, между пальмъ и апельсиновыхъ рощъ. Я гладилъ его листы, я рвалъ себѣ руки объ иглы, я лицомъ прижимался къ нему, я вдыхалъ пряный и острый, опьяняющій ароматъ. Сверкало море, сіяло въ зенитѣ солнце, свершалось тайное колдовство. Красный цвѣтокъ околдовалъ меня и измучилъ.

Но я не хочу Елены теперь. Я не хочу думать о ней. Я не хочу помнить ее. Я весь въ моей мести. И уже не спрашиваю себя: стоитъ-ли мстить?

22 іюля.

Генераль-Губернаторъ ѣздитъ два раза въ недѣлю, отъ 3-хъ до 5-ти, къ себѣ въ канцелярію, въ свой домъ на Тверской. Онъ ѣздитъ разными путями и въ разные дни. Мы прослѣдимъ его выѣздъ и черезъ день или два займемъ всѣ дороги. Ваня будетъ ждать его на Тверской, въ Столешниковомъ переулкѣ—Федоръ. Генрихъ въ резервѣ: онъ станетъ въ дальнихъ улицахъ, сзади дворца. На этотъ разъ, насъ едва-ли ждетъ неудача.

Что бы я дѣлалъ, если бы не былъ въ террорѣ? Я не знаю. Не умѣю дать на это отвѣтъ. Но твердо знаю одно: не хочу мирной жизни.

Курильщики опія видятъ блаженные сны, свѣтлыя кущи рая. Я не курю опія и не вижу блаженныхъ сновъ. Но что моя жизнь безъ террора? Что моя жизнь безъ борьбы, безъ радостнаго сознанія, что мирскіе законы не для меня? И еще я могу сказать: „Пусти серпъ твой и пожни, потому что пришло время жатвы“. Время жатвы тѣхъ, кто не съ нами.

Я говорю Федору:

— Ты, Федоръ займешь Столешниковъ переулокъ, отъ площади до Петровки. Генераль-Губернаторъ должно быть поѣдетъ на Ваню, но и ты будь готовъ. И помни: я увѣренъ въ тебѣ.

Онъ давно снялъ драгунскую форму и ходить теперь въ фуражкѣ министерства юстиціи. Онъ гладко выбрить и его черные усы закручены вверхъ.

— Ну. Жоржъ, будетъ имъ на орѣхи.

— Ты думаешь

— Вѣрно. Теперь не уйдетъ.

Мы въ далекомъ концѣ Москвы, въ Нескучномъ Саду. Въ густой зелени листвъ затаился бѣлый дворецъ. Здѣсь недавно жилъ Генераль-Губернаторъ.

Федоръ задумчиво говоритъ:

— Въ какихъ хоромахъ, мерзавцы, живутъ. Сладко спятъ, сладко ѣдятъ... Баре проклятые... Ну да ладно: гляди, — служи панихиду.

— Федоръ...

— Чего?

— Если будутъ судить, не забудь взять защитника.

— Защитника?

— Да.

— То есть это адвоката какого?

— Ну да, адвоката.

— Адвоката не надо... Не люблю я ихъ, адвокатовъ этихъ...

— Да и суда вовсе не будетъ... Ты думаешь, что? Не нужно мнѣ этихъ судовъ... Последняя пуля въ лобъ, вотъ и готово дѣло.

И я по голосу знаю, да дѣйствительно: послѣдняя пуля въ лобъ.

27 июля.

Я иногда думаю о Ванѣ, о его любви, о его исполненныхъ вѣрой словахъ. Я не вѣрю въ эти слова. Для меня они не хлѣбъ насущный и даже не камень. Я не могу понять, какъ можно вѣрить въ любовь, любить Бога, жить по любви. И если бы не Ваня говорилъ эти слова, я бы смѣялся. Но я не смѣюсь. Ваня можетъ сказать про себя:

Духовной жаждою томимъ
Въ пустынѣ мрачной я влачилъ
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился...

И еще:

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
И сердце трепетное вынулъ
И уголь, пылающій огнемъ
Во грудь отверстую водвинулъ.

Ваня умереть. Его не будетъ. Съ нимъ погаснетъ и „уголь, пылающій огнемъ“. А я спрашиваю себя: въ чемъ-же разница между нимъ и, напримѣръ, Федоромъ? Оба убьютъ. Обоихъ повѣсятъ. Обоихъ забудутъ. Разница не въ дѣлахъ, а въ словахъ.

И когда я думаю такъ, то смѣюсь.

Эрна говоритъ мнѣ:

— Ты меня не любишь совсѣмъ... Ты забылъ меня... Я чужая тебѣ.

Я говорю неохотно:

— Да, ты мнѣ чужая.

— Жоржъ...

— Что, Эрна?

— Не говори-же такъ, Жоржъ.

Она не плачетъ. Она сегодня спокойна. Я говорю:

— О чемъ ты думаешь, Эрна? Развѣ время теперь? Смотри: неудача за неудачей.

Она шепотомъ повторяетъ:

— Да, неудача за неудачей.

— А ты хочешь любви? Во мнѣ теперь нѣтъ любви.

— Ты любишь другую?

— Можетъ быть.

— Нѣтъ, скажи,

— Я сказалъ давно: да, я люблю другую.

Она тянется всѣмъ тѣломъ ко мнѣ:

— Все равно. Люби, кого хочешь. Я не могу жить безъ тебя. Я всегда тебя буду любить.

Я смотрю въ ея голубые, опечаленные глаза.

— Эрна.

— Жоржъ, милый...

— Эрна, лучше уйди.

Она цѣлуетъ меня:

— Жоржъ, я вѣдь ничего не хочу, ничего не прошу. Только будь иногда со мною.

Надъ нами тихо падаетъ ночь.

Я сказаць: не хочу помніць Елену. І все такі мае мыслі сь нею. Я не могу забыць ея глазь: вь нихь полуденный свѣтъ. Я не могу забыць ея рукь, ея длинныхь, прозрачно-розовыхь пальцевь. Вь глазахь и рукахь душа челоуѣка. Развѣ вь прекрасномь тѣлѣ можетъ жить уродство души?.. Но пусть она не радостная и гордая, а раба. Что изь того? Я хочу ее, и нѣтъ ея лучше, нѣтъ радостнѣе, нѣтъ сильнѣе. Вь моей любви, ея красота и сила.

Бывають лѣтніе туманно-мглистые вечера. Отъ напоенной росой земли встаетъ мутный, молочно-бѣлый тумань. Вь его теплыхь волнахь тають кусты, тонуть неясныя очертанія лѣса. Тускло мерцають звѣзды. Воздухь густой и влажный и пахнетъ скошеннымъ сѣномь. Вь такія ночи неслышно ходитъ надь болотами Луговой. Онъ колдуетъ.

Вотъ опять колдовство: что мнѣ Елена, что мнѣ ея безпечная жизнь, мужь офицерь, ея будущее матери и жены? А между тѣмь я сковань сь ней желѣзною цѣпью. И нѣтъ силы порвать эту цѣпь. Да и нужно-ли рвать?

3 августа.

Завтра опять нашъ день. Опять Эрна приготовить снаряды. Опять Федорь, Ваня и Генрихь займутъ назначенныя мѣста. Я не хочу думать о завтраш-

немъ днѣ. Я бы сказалъ: я боюсь о немъ думать. Но я жду и вѣрю въ него.

5 августа.

Вотъ что было вчера:

Въ 2 часа я взялъ у Эрны снаряды. Я простился съ ней на Тверской и на бульварѣ встрѣтилъ Генриха, Ваню и Ѳедора. Ѳедоръ занялъ Столешниковъ переулокъ, Ваня Тверскую, Генрихъ дальніе переулки.

Я зашелъ въ кофейню Филиппова, спросилъ себѣ стаканъ чая и сѣлъ у окна. Было душно. По камнямъ стучали колеса, крыши домовъ дышали жаромъ. Я ждалъ недолго, можетъ быть пять минутъ. Помню: внезапно въ звонкій шумъ улицы ворвался тяжелый, неожиданно странный и полный звукъ. Будто кто-то грозно ударилъ чугуномъ молотомъ по чугунной плитѣ. И сейчасъ же жалобно задребезжали разбитыя стекла. Потомъ все умолкло. На улицѣ люди шумпой толпой бѣжали внизъ, въ Столешниковъ переулокъ. Какой то рваный мальчишка, что то громко кричалъ. Какая то баба съ корзинкой въ рукахъ грозила кулакомъ и ругалась. Изъ воротъ выбѣгали дворники. Мчались казаки. Гдѣ-то, кто-то сказалъ: Генераль-Губернаторъ убитъ.

Я съ трудомъ пробился черезъ толпу. Въ переулкѣ густымъ роємъ толпились люди. Еще пахло густымъ дымомъ. На камняхъ валялись осколки стекла, чернѣли раздробленныя колеса. Я понялъ,

что разбита карета. Передо мной, загоразивая дорогу, стоялъ высокій фабричный въ синей рубахѣ. Онъ махалъ костлявыми руками и что-то быстро и горячо говорилъ. Я хотѣлъ оттолкнуть его, увидѣть близко карету, но вдругъ, гдѣ-то справа, въ другомъ переулкѣ отрывисто-сухо затрещали револьверные выстрѣлы. Я кинулся на ихъ зовъ. Я зналъ: это стрѣляетъ Федоръ. Толпа сжала меня, сдвигала въ мягкихъ объятыхъ. Выстрѣлы затрещали снова, уже дальше, отрывистѣе и глуше. И опять все умолкло. Фабричный повернулъ ко мнѣ свое лицо и сказалъ:

— Ишь ты, палить...

Я схватилъ его за руку и съ силою оттолкнулъ. Но толпа еще тѣснѣе сомкнулась передо мною. Я видѣлъ чьи-то затылки, чьи-то бороды, чьи-то широкія спины. И вдругъ услышалъ слова:

— Генераль-Губернаторъ-то живъ...

— А поймали?

— Не слышать, чтобъ поймали...

— Поймаютъ... Какъ не поймать?

— Да-а... Много ихъ нонѣ... этихъ...

Поздно вечеромъ я вернулся домой. Я помнилъ одно: Генераль-Губернаторъ живъ.

6 августа.

Сегодня въ газетахъ напечатано:

„Вчера было совершено злодѣйское покушеніе на жизнь Генераль-Губернатора. Въ три часа Генераль-Губернаторъ выѣхалъ изъ Кремлевскаго

дворца въ свою канцелярію, что на Тверской площади. Адъютантъ Его Высокопревосходительства полковникъ кн. Яшвиль, обыкновенно составлявшій расписаніе маршрута, сообщилъ и на этотъ разъ Градоначальнику предполагаемый путь: черезъ Спасскія ворота по Красной Площади и дальше по Петровкѣ и Столешникову переулку къ Генераль-Губернаторскому дому. Когда лошади поворачивали съ Петровки, на мостовую сошелъ человекъ въ формѣ чиновника министерства юстиціи. Въ одной рукѣ у него была коробка, перевязанная ленточкой, какъ обыкновенно перевязываютъ конфеты. Приблизившись къ каретѣ онъ взялъ коробку въ обѣ руки и бросилъ ее подъ колеса. Раздался оглушительный взрывъ. Къ счастью Генераль-Губернаторъ остался живъ. Поднявшись безъ посторонней помощи съ земли, онъ направился въ подъездъ дома купца Соломонова, гдѣ и оставался до прибытія вызваннаго по телефону коюва. Адъютанта, кн. Яшвиля выбросило на лѣвую сторону. У него было повреждено лицо, раздроблены обѣ ноги и повреждены обѣ руки. Онъ тутъ же скончался. Генераль-Губернаторскій кучеръ крестьянинъ Андреевъ получилъ тяжкія пораненія головы. Снъ скончался по доставленіи его въ больницу. Преступникъ, совершивъ свое злодѣйское дѣло, бросился бѣжать. За нимъ погнались поставой городской Иванъ Федоренко и агентъ Охраннаго отдѣленія Игнатій Ткачъ. Преступникъ, на бѣгу двумя послѣдовательными выстрѣлами, убилъ своихъ преслѣдователей. Свернувъ на Петровку онъ пытался скрыться по нап-

равленію къ Страстному бульвару. Стоявшій на посту городской Иванъ Климовъ сдѣлалъ попытку его задержать, но былъ тяжело раненъ пулею въ область живота. На Петровкѣ преступникъ вскочилъ въ извозничью пролетку и угрожая извозчику револьверомъ заставилъ везти себя до Петровскихъ линій, гдѣ бросился бѣгомъ внизъ по линіямъ. Здѣсь онъ снова былъ остановленъ приставомъ перваго участка подполковникомъ Орбеліани и дворниками домовъ №№ 16, 18 и 20 по Петровкѣ. Убивъ двумя выстрѣлами двоихъ изъ упомянутыхъ дворниковъ, преступникъ скрылся во дворѣ № 3 по Петровскимъ линіямъ. Домъ былъ немедленно оцѣпленъ отрядами пѣшей и конной полиціи и вызванною по телефону ротой 23 Гренадерскаго полка. При обыскѣ домовыхъ помѣщеній преступникъ былъ обнаруженъ въ дальнемъ углу двора, за сложенными дровами. На предложеніе сдаться онъ отвѣтилъ выстрѣлами, коими былъ убитъ наповаль подполковникъ Орбеліани. Тогда по приказанію прибывшаго на мѣсто происшествія Градоначальника гренадерами былъ открытъ по преступнику бѣглый огонь. Преступникъ, скрываясь за дровами, нѣкоторое время отвѣчалъ выстрѣлами изъ револьвера, при чемъ были легко ранены рядовые Веленчукъ и Семеновъ и убитъ унтеръ-офицеръ Иванъ Едынакъ. По прекращенію обстрѣла, проникшими за дрова гренадерами былъ обнаруженъ трупъ преступника съ четырьмя огнестрѣльными ранами, изъ коихъ двѣ были безусловно смертельны. Преступникъ молодой человекъ лѣтъ 26, брюнетъ, высокаго роста и крѣпкаго тѣлосло-

женія. При немъ не найдено никакихъ документовъ, въ карманахъ-же брюкъ обнаружено два револьвера системы Браунингъ и коробка съ патронами къ нимъ.

Къ установленію его личности приняты мѣры. Слѣдствіе ведетъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ.

7 августа.

Я лежу ничкомъ въ горячихъ подушкахъ. Свѣтаетъ. Чуть брезжитъ утренняя заря.

Вотъ опять неудача. Хуже чѣмъ неудача, несчастье. Мы на голову разбиты. Федоръ сдѣлалъ, конечно, что могъ. Развѣ онъ пропустилъ карету? Развѣ не бросилъ бомбы? Развѣ не было взрыва?

Мнѣ не жаль Федора, даже не жаль, что я не успѣлъ защитить его. Ну, я бы убилъ пять дворниковъ и городскихъ. Развѣ въ этомъ мое желанье?.. Но мнѣ жаль: я не зналъ, что Генераль-Губернаторъ въ двухъ шагахъ отъ меня, въ подъздѣ. Я бы дождался его. Я бы его убилъ.

Мы не уѣдемъ. Мы не сдадимся. Если нельзя убить на дорогѣ, мы пойдемъ во дворецъ. Мы взорвемъ дворецъ, и себя и его, и всѣхъ кто съ нимъ. Онъ спокоенъ теперь: онъ торжествуетъ побѣду. Нѣтъ заботъ, нѣтъ страха. Прочно царство его, тверда власть... Но вѣдь будетъ нашъ день, — будетъ судъ. И тогда, — совершится.

Генрихъ мнѣ говоритъ:

— Жоржъ, все погибло.

Кровь заливааетъ мнѣ щеки.

— Молчать.

Онъ въ испугѣ отступаетъ на шагъ.

— Жоржъ, что съ вами?

— Молчать. Что за вздоръ. Ничто не погибло.

Какъ вамъ не стыдно.

— А Федоръ?

— Что Федоръ? Федоръ убить...

— Ахъ, Жоржъ... Вѣдь это... Вѣдь это...

— Ну... Дальше.

— Нѣтъ... Вы подумайте... Нѣтъ... Но мнѣ казалось... Что-же теперь?

— Какъ, что теперь?

— Насъ полиція ищетъ.

— Полиція всегда ищетъ.

Сѣтъ дождь. Плачетъ хмурое небо. Генрихъ промокъ и съ его поношенной шапки струится вода. Онъ похудѣлъ, глаза у него ввалились.

— Жоржъ.

— Что?

— Повѣрьте... Я... я хочу только сказать... Вотъ насъ двое: Ваня и я... Мало двоихъ.

— Насъ трое.

— Кто же третій

— Я. Вы забыли меня.

— Вы возьмете снарядъ?

— Конечно.

Пауза.

- Жоржъ, на улицѣ трудно.
- Что трудно?
- На улицѣ трудно убить.
- Мы пойдемъ во дворець.
- Во дворець?
- Ну да. Что же васъ удивляетъ?
- Вы надѣетесь, Жоржъ?
- Я увѣренъ... Стыдно вамъ, Генрихъ.
- Онъ растерянно жметъ мою руку.
- Жоржъ, простите меня...
- Конечно... Но помните: если Федоръ убить, значитъ чередъ за нами. Поняли? Да?
- И онъ, взволнованный, шепчетъ:
- Да...
- А мнѣ на этотъ разъ жаль, что Федора нѣтъ со мною.

9 августа.

Я забылъ зажечь свѣчи. Въ моей комнатѣ сѣрая полутьма. Въ углу зыбкій силуэтъ Эрны.

Послѣ взрыва я отдалъ ей бомбы и съ тѣхъ поръ не видѣлъ ея. Она тайкомъ прокралась сегодня ко мнѣ и молчитъ. Даже не курить.

- Жоржъ...
- Что, Эрна?
- Это... это я виновата...
- Въ чемъ виновата?
- Что онъ не убить.

Голосъ у нея глухой и въ немъ сегодня вѣтъ слезъ.

- Ты виновата?

— Да, я.

— Чѣмъ?

— Я дѣлала бомбу.

— Ахъ, пустяки... Не мучь себя, Эрна.

— Нѣтъ, это я, это я, это я...

Я беру ея руку:

— Эрна, твоей вины нѣтъ. Я тебѣ говорю.

— Нѣтъ?.. А Ѳедоръ?

— Что Ѳедоръ?

— Онъ бы, можетъ быть, жилъ...

— Эрна, вѣдь это скучно...

Она встаетъ, дѣлаетъ два шага. Потомъ тяжело садится опять. Я говорю:

— Вотъ Генрихъ сказалъ, — нужно оставить дѣло.

— Кто сказалъ?

— Генрихъ.

— Какъ оставить? Зачѣмъ?

— Спроси его, Эрна.

— Жоржъ, развѣ правда, — оставить?

— Ты такъ думаешь? Да?

— Нѣтъ, скажи ты.

— Ну, конечно же, нѣтъ. Мы, конечно, убьемъ. И ты опять приготовишь снаряды.

Она съ тревогой говоритъ:

— А кто третій?

— Я, Эрна.

— Ты?

— Ну, да. Я.

Она поникла, прижалась къ окну. Смотритъ въ темную площадь. Потомъ вдругъ быстро встаетъ, подходитъ ко мнѣ. Жарко цѣлуетъ въ губы.

— Жоржъ, милый... Мы, вѣдь, вмѣстѣ умремъ?..
Жоржъ?

Снова неслышно падаетъ ночь.

11 августа.

Передъ нами всего два пути. Первый путь: переждать нѣсколько дней и опять подстеречь на дорогѣ. Второй путь: идти во дворецъ. Я знаю: насъ ищутъ. Намъ трудно прожить недѣлю въ Москвѣ, еще труднѣе занять тѣ же мѣста. Ну, вмѣсто Оедора — я, Ваня опять на Тверской, Генрихъ опять въ резервѣ. Полиція теперь на чеку. Улицы усѣяны сыщиками. Они караулятъ насъ. Они, заподозривъ бомбу, окружаютъ, незамѣтно схватятъ. Да и поѣдетъ ли Генераль-Губернаторъ той же дорогой? Вѣдь, ему легко сдѣлать кругъ по Москвѣ: выѣхать на Тверскую сверху, со стороны Страстного Монастыря... Ну, а если мы пойдемъ во дворецъ? Нужно оковать себя динамитомъ, одѣть невидимый панцырь, нужно прорваться въ подъѣздъ, наконецъ, нужно умѣло взорвать. Мнѣ, конечно, не жалко тѣхъ, кто умретъ: погибнетъ семья, свита, сыщики и конвой. Но опасно рискнуть. Дворецъ великъ и въ немъ много комнатъ. Если случайно во время взрыва онъ будетъ вовнутреннихъ залахъ или въ саду? Вѣдь мы не въ силахъ дойти до него... Халтуринскій взрывъ былъ рассчитанъ вѣрно и все таки кончился неудачей. Я колеблюсь. Я взвѣшиваю всѣ „противъ“ и „за“. И я не знаю: пойдемъ ли мы во дворецъ? Трудно рѣшить и нужно. Трудно знать и еще труднѣе узнать.

Ваня баринъ: мягкая шляпа, свѣтлый галстукъ, сѣрый пиджакъ. У него по прежнему выются кудри, блестятъ задумчивые глаза. Онъ говоритъ:

— Жалко Федора, Жоржикъ.

— Да, жалко.

Онъ улыбается грустно:

— Да вѣдь тебѣ не Федора жалко.

— Какъ не Федора, Ваня?

— Ты, вѣдь, думаешь: товарища потерялъ. Вѣдь, такъ? Скажи, такъ?

— Конечно.

— Ты думаешь: вотъ жилъ на свѣтѣ революціонеръ, настоящій революціонеръ, безстрашный... А теперь его нѣтъ. И еще думаешь: трудно,—какъ быть безъ него?

— Конечно.

— Вотъ видишь... А про Федора ты забылъ. Не жаль тебѣ Федора.

На бульварѣ играетъ военный оркестръ. Воскресенье. Въ красныхъ рубахахъ, съ гармониками въ рукахъ бродятъ мастеровые. Говоръ и смѣхъ.

Валя говоритъ:

— Слушай, я вотъ все о Федорѣ думалъ. Для меня, вѣдь, онъ не только товарищъ, не только революціонеръ... Ты подумай, что онъ чувствовалъ тамъ за дровами? Стрѣлялъ и зналъ, каждую каплю крови зналъ: смерть. Сколько времени онъ въ глаза ее видѣлъ?

— Жоржикъ, не то. Я не про то. Ну, конечно, не испугался... А знаешь ли ты его муку? Знаешь

ли муку, когда онъ раненый бился? Когда темнѣло въ глазахъ и жизнь догорала? Ты не думаль о немъ?

И я отвѣчаю:

— Нѣтъ, Ваня, не думаль.

Онъ шепчетъ:

— Значить, ты и его не любишь...

Тогда я говорю:

— Ѳедоръ умеръ... Ты лучше вотъ что скажи: идти ли намъ во дворецъ?

— Идти во дворецъ?

— Да.

— Это какъ?

— Ну, взорвать весь дворецъ.

— А люди?

— Какіе люди?

— Да семья его, дѣти.

— Вотъ ты о чемъ... Пустяки: имъ туда и дорога...

Ваня примолкъ.

— Жоржъ.

— Что?

— Я не согласенъ.

— Что не согласенъ?

— Идти во дворецъ.

— Что за вздоръ?.. Почему?

— Я не согласенъ убивать дѣтей.

И потомъ говоритъ, волнуясь:

— Нѣтъ, Жоржъ, послушай меня: не дѣлай этого, нѣтъ. Какъ можешь ты это взять на себя? Кто далъ тебѣ право? Кто позволилъ тебѣ?

Я холодно говорю:

— Я самъ позволилъ себѣ.

— Ты?

— Да, я.

Онъ всѣмъ тѣломъ дрожить.

— Жоржъ, дѣти...

— Пусть дѣти.

— Жоржъ, а Христось?

— Причемъ тутъ Христось?

— Жоржъ, помнишь: „Я пришелъ во имя Отца
Моего, и не принимаете Меня; а если иной придетъ
во имя свое, его примете“.

— Къ чему, Ваня, тексты?

Онъ качаетъ головой:

— Да, ни къ чему...

Мы оба долго молчимъ. Наконецъ, я говорю:

— Ну, ладно... Будемъ на улицѣ ждать.

Онъ весь свѣтлѣетъ улыбкой. Тогда я спрашиваю
его:

— Ты, можетъ быть, думаешь, я ради текстовъ?

— Нѣтъ, что ты, Жоржъ?

— Я рѣшилъ: такъ риска меньше.

— Конечно, меньше, конечно... И вотъ увидишь:
будетъ удача. Услышитъ Господь моленія наши.
Я ухожу. Мнѣ досадно: а все таки не лучше ли
во дворецъ?

15 августа.

Мои мысли опять съ Еленой. Я спрашиваю себя:
кто она? Почему она не ищетъ меня? Почему жи-
ветъ, ничего обо мнѣ не зная? Значитъ она не
любитъ. Значитъ она забыла. Значитъ она, цѣлуя,
лгала. Но такіе глаза не лгутъ.

Я не знаю. Я ничего не хочу узнать. Я видѣлъ радость ея любви, слышалъ счастливые слова. Я хочу ее, и я приду и возьму. Можетъ быть это даже и не любовь. Можетъ быть завтра потухнутъ ея глаза и мнѣ скученъ будетъ ея любимый сегодня смѣхъ. Я сегодня люблю ее и мнѣ нѣтъ дѣла до завтра. Вотъ сейчасъ она стоитъ передо мной, какъ живая: черныя косы, строгій овалъ лица, на щекахъ робкій румянецъ. Я зову ее, я говорю себѣ ея имя. А, вѣдь, скоро нашъ, уже непременно, послѣдній день...

Увижу я ее когда-нибудь или нѣтъ?

17 августа.

Завтра мы опять ждемъ Генераль-Губернатора на дорогѣ. Если бы я могъ, я бы молился.

18 августа.

Эрна въ третій разъ приготовила у себя снаряды. Ровно въ три часа мы на своихъ мѣстахъ. У меня въ рукахъ бомба. Когда я хожу, въ коробкѣ мѣрно стучить запаль. Коробку я завернулъ въ бумагу, перевязалъ тонкимъ шнуркомъ. И, какъ будто, иду изъ лавки съ покупкой.

Я иду внизъ, по лѣвой сторонѣ Столешникова переулка. Въ теплому воздухѣ осень. И утромъ замѣтилъ: кое-гдѣ на берегахъ уже желтые листья. По небу ползутъ тяжелыя облака. Каплетъ рѣдкими каплями дождь.

Я осторожно несу свою бомбу. Если случайно меня толкнуть,—разобьется запаль. По троттуарамъ и на углахъ много шпионовъ. Дѣлаю видъ, что не вижу ихъ.

Поворачиваю назадъ. Кругомъ все тихо. Сыщики лѣниво провожаютъ глазами прохожихъ. Я боюсь, что именно теперь меня догонитъ Генераль-Губернаторъ. Теперь трудно бросить снарядъ: я не узнаю его кареты, не сумѣю приготовить ударъ. Я ощупываю револьверъ. У меня ихъ, какъ было у Ѳедора, два. Одинъ—Браунингъ, другой—большой, кавалерійскаго образца Ноганъ. Я ихъ вычистилъ вчера вечеромъ и тщательно зарядилъ.

Такъ я брожу полчаса. Когда я подхожу третій разъ къ углу Тверской площади, къ деревянной будкѣ съ часами, я вижу: на Тверской, около дома Варгина отъ земли взвился узкій столбъ сѣро-желтаго, по краямъ почти чернаго дыма. Онъ воронкой ширится вверхъ, затопляетъ всю улицу. Въ ту же минуту—знакомый, страшный, чугунный гулъ. Лошадь извозчика на углу вздымается на дыбы. Передо мной дама въ большой черной шляпѣ. Она ахнула и присѣла на троттуаръ. Городовой стоитъ секунду съ блѣднымъ лицомъ и кидается на Тверскую.

Я бѣгу къ дому Варгина. Звенять разбитыя стекла. Опять пахнетъ дымомъ. Я забываю про бомбу и запаль стучить въ ней мѣрно и торопливо. Я слышу стоны и крикъ и уже знаю, — знаю навѣрное:

Генераль-Губернаторъ убитъ...

. . . . .

А черезъ часъ продають телеграммы. У нихъ траурный ободокъ и крестъ. Подъ крестомъ—печатный портретъ, подъ портретомъ—некрологъ.

Я держу газетный листокъ и у меня темнѣетъ въ глазахъ.

20 августа.

Ванѣ удалось изъ тюрьмы передать письмо:

„Вопреки моему желанію я, бросивъ бомбу, не былъ убитъ. Я бросалъ на разстояніи трехъ шаговъ, съ размаху, прямо въ окно кареты. Я видѣлъ лицо Генераль-Губернатора. Замѣтивъ меня, онъ откинулся вглубь и поднялъ руки, какъ для защиты. Я видѣлъ, какъ разбилась карета. Въ меня пахнуло дымомъ и щепками. Я упалъ на землю. Поднявшись, я осмотрѣлся. Шагахъ въ пяти отъ меня лежали лоскутья платья и тутъ же рядомъ окровавленное тѣло. Я не былъ раненъ, хотя съ лица лилась кровь и рукава моего пиджака обгорѣли. Я пошелъ. Въ это время сзади чьи-то руки крѣпко схватили меня. Я не сопротивлялся. Меня отвезли въ участокъ.

Я исполнилъ свой долгъ, — долгъ революціонера. Я жду суда надъ собой и спокойно встрѣчу свой приговоръ. Я думаю, что если бы я и бѣжалъ, я бы все равно не могъ жить послѣ того, что сдѣлалъ.

Я обнимаю васъ, милые друзья и товарищи. Отъ всего сердца благодаренъ вамъ за вашу любовь и дружбу. Я вѣрю въ грядущую революцію и умираю съ горделивымъ сознаниемъ ея побѣднаго торжества.

Прощаясь, я бы хотѣлъ напомнить вамъ простые слова: „Любовь познали мы въ томъ, что Онъ положилъ за насъ душу свою: и мы должны полагать души свои за братьевъ“.

Въ этомъ письмѣ была приписка лично ко мнѣ. Ваня писалъ:

„Можетъ быть тебѣ странно, что я говорилъ о любви и рѣшился убить, т. е. совершилъ тягчайшій грѣхъ противъ людей и Бога.

Я не могъ не убить. Будь во мнѣ чистая и невинная вѣра учениковъ, я бы, конечно, не былъ въ террорѣ. Я вѣрю: не мечемъ, а любовью спасется міръ, какъ любовью онъ и устроится. Но я не зналъ въ себѣ силы жить во имя любви и я понималъ, что могу и долженъ во имя ея умереть.

У меня нѣтъ раскаянія, нѣтъ и радости отъ совершеннаго мною. Кровь мучитъ меня и я знаю: смерть не есть искупленіе. Но я знаю также: „Азъ есмь Истина и Путь и Животъ“.

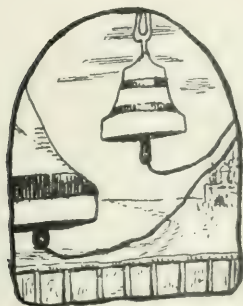
Люди будутъ судить меня и я жалѣю, что имъ придется пролить мою кровь. Кромѣ ихъ суда будетъ, — я вѣрю, — судъ Божій. Мой грѣхъ безмѣрно великъ, но и милосердіе Христа не имѣетъ границъ.

Я цѣлую тебя. Будь счастливъ, счастливъ истинно и дѣломъ. И помни: „Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь“.

Я перечитываю эти листки папиросной бумаги, я спрашиваю себя: можетъ быть Ваня правъ? Нѣтъ, сегодня сіяетъ горячее солнце, трепещетъ въ Сокольникахъ опадающая листва... Я брожу по знакомымъ дорожкамъ и во мнѣ горитъ большая и

яркая радость. Я рву цвѣты осени, я вдыхаю ихъ отлетающій ароматъ, я цѣлую ихъ блѣдные лепестки. Свѣтлымъ праздникомъ, торжественнымъ воскресеньемъ звучать пророческія слова: „Отъ престола раздался громкій голосъ, говорящій: совершилось“. Я счастливъ: да, совершилось.

22 августа.

Я все еще прячусь въ Москвѣ, все еще не могу уѣхать. Вся полиція на чеку: насъ настойчиво ищутъ. Я оставилъ мои номера и въ третій разъ перемѣнилъ маску. Я уже не Фроль Семеновъ и не англичанинъ О'Бріенъ. Я живу невидимкой— безъ имени и безъ дома. Днемъ я брожу по Москвѣ, къ ночи ищу ночлега. Я ночую случайно: сегодня въ гостинницѣ, завтра на улицѣ, послѣ-завтра у незнакомыхъ, чужихъ мнѣ людей, — у купцовъ, чиновниковъ и поповъ. Иногда я злорадно смѣюсь: на лицахъ хозяевъ страхъ, робкое уваженіе ко мнѣ.

Падаетъ осень. Золотомъ горитъ старый паркъ, листь шуршитъ подъ ногами. На зарѣ лужи сверкаютъ на солнцѣ тонкимъ стекломъ ломкаго льда.

Я люблю печальную осень. Я сажусь въ Сокольникахъ на скамью, слушаю лѣсъ. Тихій покой обнимаетъ меня. И мнѣ чудится, — нѣтъ убійства, нѣтъ крови. Есть святая для всѣхъ земля и надъ нею святое небо.

Мѣсто, гдѣ Ваня убилъ, обнесено желѣзной рѣшеткой. За рѣшеткой кресты и кіотъ. Люди торопятся мимо, Рѣдко станетъ прохожій, перекрестится баба. Офицеръ небрежной рукой отдастъ честь.

Объ убійствѣ уже забыли. Помните только полиція, помнимъ, конечно, мы. Ваню судятъ. Погово-

рять, помолчать, вынести приговоръ, повѣсятъ.
Такъ замретъ жизнь.

23 августа.

Я вызвалъ сегодня Елену письмомъ. Она вошла и мнѣ сразу стало радостно и спокойно. Будто не было долгихъ дней тревоги и ожиданья, будто не я жилъ мстью, холодно готовилъ убійство. Такъ радостно и спокойно бываетъ въ лѣтніе вечера, когда звѣзды зажглись и въ саду аромать цвѣтовъ, теплый и пряный.

На Еленѣ бѣлое платье. Она дышетъ свѣжестью и здоровьемъ. Ей двадцать лѣтъ. Ея глаза не смѣются, она, стыдливая, говоритъ:

— Вы были все время въ Москвѣ?

— Да, конечно, я былъ въ Москвѣ.

— Такъ вы?..

— Что я?

— Такъ это... вы?..

И она опускаетъ глаза.

Мнѣ хочется ее крѣпко обнять, поднять на руки, цѣловать какъ ребенка. Теперь, когда я вижу ее, ея сіяющіе глаза, я знаю: я люблю ея дѣтскій смѣхъ, наивную красоту ея жизни. И я съ восторгомъ слушаю ея голосъ:

— Боже мой, если бъ вы знали, какъ я боялась. Когда это случилось, я уже знала, что это... вы... что это вы... побѣдили...

И потомъ шепчетъ еще:

— Какъ страшно...

И тогда я думаю такъ: вотъ я жилъ мыслью о ней, а она не думала обо мнѣ, не мучилась мною. Она думала о террорѣ, о томъ, что я убиваю. Да, конечно, я убиваю... И я говорю громко:

— Да, это сдѣлали мы.

Она краснѣетъ. И вдругъ, какъ тогда, мягко и нѣжно опускаетъ мнѣ руки на плечи. Ея дыханье жжетъ мнѣ лицо. И съ неизвѣданной мукой встрѣчаются наши губы.

Я прихожу въ себя, — она сидитъ въ креслѣ. На моихъ устахъ еще ея поцѣлуй и вся она такая близкая и чужая.

— Жоржъ, милый, любимый Жоржъ, не будьте печальны.

— И она, стыдливо и жарко, тянется тѣломъ ко мнѣ.

— Я цѣлую ее. Цѣлую ея волосы и глаза, ея блѣдные пальцы, ея любимыя губы. Я не думаю уже ни о чемъ. Я знаю только: вотъ она у меня на рукахъ и трепещетъ ея молодое тѣло.

Догораетъ въ окнѣ прощальный закатъ. Красный лучъ бродитъ по потолку. Она, бѣлая, лежитъ у меня на рукахъ и уже нѣтъ похмѣлья пролитой крови.

И нѣтъ ничего.

24 августа.

Эрна ѣдетъ сегодня. Она похудѣла и какъ-то сразу увяла. Погасъ на щекахъ румянецъ и лишь по прежнему безпомощно вьются кудри, словно просятъ пощады. Я надолго прощаюсь съ нею.

Она стоитъ передо мной, хрупкая и печальная. Ея опущенныя брови дрожатъ. Она говоритъ тихо:

— Ну, вотъ, Жоржикъ, конецъ.

— Ты рада?

— А ты?

Я хочу ей сказать, что я счастливъ и гордъ, но въ душѣ у меня сегодня нѣтъ ликованья. Я угрюмо молчу.

Она вздыхаетъ. Подъ кружевомъ платья ея грудь ходитъ порывисто и глубоко. Она, видимо, хочетъ мнѣ что-то сказать, волнуется и не смѣетъ. Я говорю:

— Когда поѣздъ отходить?

Она вздрагиваетъ:

— Въ девять часовъ.

Я равнодушно смотрю на часы:

— Эрна, ты опоздаешь.

— Жоржъ...

Она все еще не рѣшилась. Я знаю: она заговоритъ о любви, будетъ просить участія. Но во мнѣ нѣтъ любви и я ничѣмъ не могу ей помочь.

— Жоржъ, неужели?

— Что неужели?

— Неужели мы расстаемся?

— Ахъ, Эрна, не навсегда.

— Нѣтъ, навсегда.

Ея голосъ чуть слышенъ. Я отвѣчаю ей громко:

— Ты, Эрна, устала. Отдохни и забудь.

И до меня долетаетъ шепотъ:

— Я не забуду.

Въ ту же минуту я вижу: ея глаза покраснѣли

и легко, какъ вода, покатались частыя слезы. Она некрасиво трясеть головою. Ея локоны мокнуть въ слезахъ, жалко свисаютъ къ шеѣ. Она рыдаетъ и шепчетъ невнятно, глотая слова:

— Жоржъ, милый, не уйди отъ меня... Солнышко мое, не уйди...

Въ памяти встала Елена. Я слышу ея звонкій радостный смѣхъ, вижу сіяющіе глаза. И я холодно говорю Эрнѣ:

— Не плачь.

Она сразу умолкла. Вытерла слезы, уныло смотритъ въ окно. Потомъ встаетъ и, шатаясь, подходитъ ко мнѣ.

— Прощай, Жоржъ. Прощай.

Я повторяю, какъ эхо:

— Прощай.

Вотъ она стоитъ у моихъ открытыхъ дверей и ждетъ. И все еще шепчетъ съ тоскою:

— Жоржъ, ты вѣдь пріѣдешь... Жоржъ?..

28 августа.

Эрна уѣхала. Кромѣ меня въ Москвѣ еще Генрихъ. Онъ поѣдетъ за Эрной. Я знаю: онъ любитъ ее и, конечно, вѣритъ въ любовь. Мнѣ смѣшно и досадно.

Я помню: я сидѣлъ въ тюрьмѣ и ждалъ казни. Тюрьма была сырая и грязная. Въ корридорѣ пахло махоркой, солдатскими щами. За окномъ шагаль часовой. Иногда черезъ стѣну долетали обрывки жизни, случайныя слова разговора. И было

странно: тамъ за окномъ море, солнце, жизнь, а здѣсь одиночество и неизбежная смерть... Днемъ я лежалъ на желѣзной койкѣ, читалъ прошлогоднюю „Ниву“. Вечеромъ тускло мерцали лампы. Я украдкой влѣзалъ на столъ, цѣплялся руками за прутья рѣшетки. Видно было черное небо, южныя звѣзды Сіяла Венера. Я говорилъ себѣ: еще много дней впереди, еще встанетъ утро; будетъ день, будетъ ночь. Я увижу солнце, я услышу людей. Но какъ-то не вѣрилось въ смерть. Смерть казалась ненужной и потому невозможной. Даже радости не было, спокойной гордости, что умираю за революцію. Было какое-то странное равнодушіе. Не хотѣлось жить, но и умирать не хотѣлось. Не тревожилъ вопросъ, какъ прожита жизнь, не рождалось сомнѣнія, что тамъ, — за темною гранью. А вотъ помню: рѣжетъ ли веревка шею, больно-ли задыхаться? И часто вечеромъ, послѣ повѣрки, когда на дворѣ затихалъ барабанъ, я пристально смотрѣлъ на желтый огонь моей лампы, — единственный предметъ на покрытомъ хлѣбными крошками тюремномъ столѣ. Я спрашивалъ себя: нѣтъ-ли страха въ душѣ? И я отвѣчалъ себѣ: нѣтъ. Потому что мнѣ было все — все равно... А потомъ я бѣжалъ. Первые дни въ сердцѣ было все то же мертвое равнодушіе. Машинально я дѣлалъ такъ, чтобы меня не поймали. Но зачѣмъ я это дѣлалъ, зачѣмъ я бѣжалъ, — не знаю. Тамъ, въ тюрьмѣ иногда казалось, что міръ прекрасенъ и хотѣлось воздуха и горячаго солнца. А здѣсь, на волѣ меня снова томила скука. Но вотъ однажды, подъ вечеръ я остался одинъ. Востокъ уже потемнѣлъ, загора-

лись раннія звѣзды. Фиолетовой дымкой заткались горы. Снизу, съ рѣки повѣяла ночь. Сильно пахнетъ трава. Громко трещать цикады. Воздухъ тягучій и сладкій, какъ сливки. И вотъ въ эту минуту я понялъ вдругъ, что я живъ, что нѣтъ смерти, что жизнь опять впереди и что я молодъ, здоровъ и силенъ...

И теперь я чувствую то же. Да, я молодъ, здоровъ и силенъ. Я еще разъ ушелъ отъ смерти. И въ сотый разъ я спрашиваю себя: въ чемъ же моя вина, если я цѣловалъ Эрну? И не большая ли вина, если бъ я отвернулся, если бъ я ее оттолкнулъ? Вотъ пришла женщина и принесла съ собою любовь и милую ласку. Почему эта ласка рождаетъ горе? Почему любовь даетъ не радость, а муку? Я не знаю, я не могу и не пытаюсь узнать. И мнѣ кажется иногда: Ваня знаетъ. Но его уже нѣтъ.

1 сентября.

Снова пріѣхалъ Андрей Петровичъ. Онъ съ трудомъ разыскалъ меня и теперь долго и весело жметъ мнѣ руку. Его старческое лицо сіяетъ. Онъ доволенъ. Морщинки у глазъ разползлись у него въ улыбку.

— Поздравляю васъ, Жоржъ.

— Съ чѣмъ это, Андрей Петровичъ?

Онъ лукаво щуритъ глаза, качаетъ лысою головою:

— Съ побѣдой и одолѣніемъ.

Мнѣ скучно съ нимъ и я бы охотно ушелъ. Мнѣ скучны его слова, его докучныя поздравленія. Но онъ невинно улыбается мнѣ:

— Да-а, Жоржъ, правду сказать, мы ужъ и надежду теряли. Неудачи, да неудачи, — чувствовали, что у васъ неудачи. И знаете, — онъ наклоняется къ моему уху:

— Упразднить даже васъ хотѣли.

— Упразднить?.. То есть какъ?

— Дѣло прошлое... Я скажу: знаете, не вѣрилось намъ. Сколько времени, а дѣлъ никакихъ... Ну и стали мы думать: не лучше ли упразднить? Все одно, ничего не выйдетъ... Вотъ старые дураки... А?

Я съ изумленіемъ смотрю на него. Онъ все тотъ же: сѣдой и дряхлый. Пальцы его, какъ всегда, прокопчены табакомъ.

— И вы... вы думаете можно насъ упразднить?

— Ну, вотъ, Жоржъ, вы уже разсердились.

— Я не сержусь... Но скажите, — вы думаете, можно насъ упразднить?

Онъ любовно хлопаетъ меня по плечу.

— Эхъ, вы... Пошутить съ вами нельзя...

И потомъ говоритъ дѣловито:

— Ну, а теперь кого? А?

— Пока никого.

— Никого?.. Комитететъ рѣшилъ министра юстиціи.

— То комитетъ, а то я...

— Ахъ, Жоржъ...

Я смѣюсь.

— Ну, что вы, Андрей Петровичъ? Я говорю: дайте срокъ.

Онъ долго думаетъ про себя, по стариковски жуетъ губами.

— Жоржъ, вы остаетесь въ Москвѣ?

— Да, въ Москвѣ.

— Уѣзжайте-ка лучше.

— У меня дѣло есть.

— Дѣло?

— Онъ опечаленъ: что за такія дѣла? Но спросить у меня не смѣть.

— Ну, ладно, Жоржъ, пріѣдете, потолкуемъ...

И снова весело жметъ мнѣ руку.

— А ловко. Здорово... Молодцы...

Андрей Петровичъ—судья: онъ хвалитъ и онъ же клеймитъ. Я молчу: онъ вѣдь искренно вѣритъ, что я радъ похвалѣ. Жалкій старикъ.

3 сентября.

Ваню сегодня судятъ. Я лежу въ случайной квартирѣ, на диванѣ, въ жаркихъ подушкахъ. Ночь. Въ рамѣ окна ночное небо. На небѣ звѣздное ожерелье. Большая Медвѣдица.

Я знаю: Ваня лежалъ цѣлый день на тюремной койкѣ, иногда вставалъ, подходилъ къ столу и писалъ. А теперь ему такъ же, какъ и мнѣ свѣтитъ Медвѣдица. И такъ же, какъ я, онъ не спитъ.

Я знаю еще: завтра казнь. Завтра войдетъ палачъ въ красной рубахѣ съ веревкою и нагайкою. Онъ свяжетъ Ванѣ руки назадъ и веревка вопьется въ тѣло. Зазвеняютъ подъ сводами шпоры, часовые уныло звякнутъ ружьемъ. Распахнутся ворота... На песчаной косѣ курится теплый туманъ, ноги вязнутъ въ мокромъ пескѣ. Розовеетъ востокъ. На блѣдно-розовомъ небѣ черный загнутый шпиль. Это — висѣлица. Это — законъ.

Ваня всходитъ на плаху. Въ утренней мглѣ онъ весь сѣрый, глаза и волосы одного цвѣта. Холодно и онъ ежится, глубже уходитъ шеей въ поднятый воротникъ. А потомъ палачъ надѣваетъ саванъ, стягиваетъ веревку. Саванъ бѣлый и рядомъ красный палачъ. Неожиданно громко стучитъ отброшенный табуретъ. Тѣло виситъ. Виситъ Ваня.

Подушки жгутъ мнѣ лицо. Одѣяло сползаетъ на полъ. Неудобно лежать. Я вижу Ваню, его восторженные глаза, русые кудри. И робко спрашиваю себя: зачѣмъ висѣлица? зачѣмъ кровь? зачѣмъ смерть?

И тотчасъ я вспоминаю:

„Мы должны полагать души свои за братьевъ“. Такъ сказалъ Ваня. Но вѣдь Вани ужъ нѣтъ...

5 сентября.

Я говорю себѣ: Вани нѣтъ. Это простые слова, но мнѣ не вѣрится въ нихъ. Мнѣ не вѣрится, что онъ уже умеръ. Вотъ стукнетъ дверь, онъ тихо войдетъ и я, какъ прежде, услышу: „Кто не любить, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь“.

Ваня вѣрилъ въ Христа, я не вѣрю. Въ чемъ же разница между нами? Я лгу, шпиюню и убиваю. Ваня лгалъ, шпиюнилъ и убивалъ. Мы всѣ живемъ обманомъ и кровью. Во имя любви?

Христось взошелъ на Голгоѳу. Онъ не убилъ, онъ даровалъ людямъ жизнь. Онъ не лгалъ, онъ училъ людей истинѣ. Онъ не предательствовалъ,

онъ самъ былъ преданъ ученикомъ. Такъ одно же изъ двухъ: или путь ко Христу, или... Или Ваня сказалъ: Смердяковъ... И тогда и я — Смердяковъ.

Я знаю: Ваня святъ въ своей смерти, его послѣдняя правда въ мукахъ. Эта святость и эта правда мнѣ недоступны, онѣ непонятны. Я умру, какъ и онъ, но темною смертью, ибо въ горькихъ водахъ — полынь.

6 сентября.

Елена мнѣ говоритъ:

— Знаете, я такъ боялась за васъ... Я не смѣла думать о васъ... Вы такой... странный.

Мы, какъ прежде, въ Сокольникахъ. Осень дышетъ въ лѣсу, гонить по вѣтру багровые листья. Холодно. Пахнетъ землей.

— Милый, какъ хорошо..

Я беру ея руки, я цѣлую тонкіе пальцы и уста мои шепчутъ:

— Милая, милая, милая...

Она смѣется:

— Не будь такимъ грустнымъ. Будь весель.

Но я говорю:

— Слушай, Елена. Я люблю тебя, я зову: иди за мною.

— Зачѣмъ?

— Я люблю тебя.

Она гибко прижалась ко мнѣ и шепчетъ:

— Ты знаешь, — я тоже люблю.

— А мужъ?

— Что же мужъ?

— Ты съ нимъ.

— Ахъ, милый... Не все ли равно: сейчасъ я съ тобою.

— Будь со мною всегда.

Она звонко смѣется:

— Не знаю, не знаю.

— Елена, не смѣйся и не шути.

— Я не шучу...

Она опять обнимаетъ меня:

— Развѣ нужно любить всегда? Развѣ можно любить всегда? Ты бы хотѣлъ, что бъ я любила тебя одного... Я не могу. Я уйду.

— Уйдешь къ мужу?

Она молча киваетъ.

— Значить ты любишь его.

— Милый, вотъ горитъ вечернее солнце, шумить вѣтеръ, шепчетъ трава. Вотъ мы любимъ другъ друга. Что же еще? Зачѣмъ думать о томъ, что было? Зачѣмъ знать, что будетъ? Не мучь же меня. Не надо мученій. Будемъ радоваться вдвоемъ, будемъ жить. Я не хочу горя и слезъ...

Я говорю:

— Ты сказала, что ты его и моя. Скажи,—такъ ли? Правда ли это?

— Да, правда.

— Тѣнь скользнула у ней по лицу. Глаза печальны и темны. Бѣлое платье таетъ въ сумеркахъ дня.

— Почему?

— Ахъ, почему?..

Я наклоняюсь къ ней близко:

— А если... Если бы не было мужа?

— Не знаю... Я ничего, ничего не знаю... Развѣ любовь вѣчна? Не спрашивай, милый... И не думай, не думай, не думай...

Она цѣлуетъ меня, я молчу. Въ моей душѣ медленно расцвѣтаетъ ревность: я не хочу и не буду дѣлиться ни съ кѣмъ

10 сентября.

Елена тайкомъ приходитъ ко мнѣ и быстро, какъ воды, текутъ часы и недѣли. Весь міръ теперь для меня въ одномъ, — въ моей къ ней любви. Свернуть свитокъ воспоминаній, помутилось зеркало жизни. Передо мною глаза Елены, ея губы, ея любимыя руки, вся ея молодость и любовь. Я слышу ея смѣхъ, ея радостный голосъ. Я играю ея волосами, я жадно цѣлую ея горячее и счастливое тѣло. Падаетъ ночь. Ночью глаза еще ярче, смѣхъ еще звонче, поцѣлуй больнѣе. И вотъ снова, какъ чары: южный странный цвѣтокъ, кровавый кактусъ, колдующій и влюбленный. Что мнѣ терроръ, революція, висѣлица и смерть, если она со мной?.. Она входитъ робко, опуская глаза. Но вотъ вспыхнули огнемъ ея щеки, звенить ея смѣхъ. У меня на колѣняхъ она поетъ беззаботно и звонко. О чемъ ея пѣсни? Я не знаю, не слышу. Я чувствую ее всю и радость ея звучитъ въ моемъ сердцѣ, и во мнѣ уже нѣтъ печали. А она цѣлуетъ и шепчетъ:

— Все равно... Пусть ты завтра уйдешь... Но сегодня ты мой... Я люблю тебя, милый.

Я не пойму ее. Я знаю: женщины любятъ тѣхъ, кто ихъ любить, любятъ любовь. Но сегодня мужъ, завтра я, послѣ завтра опять его поцѣлуй... Я ей однажды сказалъ:

— Какъ можешь ты цѣловать двоихъ?

Она подняла тонкія брови:

— Почему, милый, нѣтъ?

И я не зналъ, что отвѣтить. Я злобно сказалъ:

— Я не хочу, чтобы ты цѣловала его.

Она разсмѣялась:

— А онъ не хочетъ, что бъ я цѣловала тебя.

— Елена...

— Что, милый?

— Не говори со мной такъ.

— Ахъ, милый мой, милый... Что за дѣло тебѣ кого и когда я цѣлую? Развѣ я знаю, кого ты еще цѣловалъ? Развѣ я хочу и могу это знать? Я сегодня люблю тебя... Ты не радъ? Ты не счастливъ?

Я хочу ей сказать: у тебя нѣтъ стыда, нѣтъ любви... Но я молчу: развѣ въ моей душѣ живетъ стыдъ?

— Слушай, — смѣется она, — зачѣмъ ты такъ говоришь? То можно, это нельзя. Умѣй жить, умѣй радоваться, умѣй взять отъ жизни любовь. Не нужно злобы, не нужно убійства. Міръ великъ и всѣмъ хватить радости и любви. Въ счастье нѣту грѣха. Въ поцѣлуяхъ нѣту обмана... Такъ не думай же ни о чемъ и цѣлуй...

И потомъ говорить еще:

— Вотъ ты, милый, не знаешь счастья... Вся твоя жизнь только кровь. Ты желѣзный, солнце не

для тебя... Зачѣмъ, зачѣмъ думать о смерти? Надо радостно жить... Неправда-ли, милый?

И я въ отвѣтъ ей молчу.

12 сентября.

Я опять думаю объ Еленѣ. Быть можетъ, она не любить меня, не любитъ и мужа. Быть можетъ, она любить только любовь. Только въ любви ея яркая жизнь, для любви она родилась на свѣтъ и во имя ея сойдетъ въ могилу. И когда я думаю такъ, во мнѣ встаетъ отрадная злоба. Что изъ того, что Елена со мною, что я цѣлую ея прекрасное тѣло и вижу любящiе, въ сiяньи глаза?.. Она съ улыбкой уходитъ къ мужу, она любовно живетъ его жизнью. Меня томить мысль о немъ, объ этомъ юношѣ, бѣлокуромъ и стройномъ. И иногда, въ тишинѣ, я ловлю себя на мечтахъ, глубокихъ и тайныхъ. И тогда мнѣ кажется, что я думаю не о немъ, а о томъ, кого уже нѣтъ и о комъ я со злобою думалъ прежде. Мнѣ кажется, что Генераль-Губернаторъ все еще живъ.

Вотъ я иду тернистымъ путемъ. На узкой моей тропинкѣ стоитъ онъ, ея мужъ. Онъ мѣшаетъ мнѣ: она любитъ его.

Я смотрю, какъ въ садахъ изнемогаетъ усталая осень. Рдѣютъ холодныя астры, облетаютъ сухiе листья. Утренники свиваютъ траву. Въ эти дни увяданья четко встаетъ привычная мысль. Я вспоминаю забытое слово:

Если вошь въ твоей рубашкѣ
Крикнетъ тебѣ, что ты блоха
Выйди на улицу
И — убей!

Генрихъ всѣ эти дни прожилъ въ Москвѣ. У него въ Замоскворѣчьи семья. Только сегодня онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ къ Эрнѣ.

Онъ отдохнулъ, пополнѣлъ и окрѣпъ. Глаза у него блестятъ и уже нѣтъ вялыхъ словъ. Я давно не видѣлъ его.

Мы сидимъ съ нимъ въ трактирѣ. Здѣсь когда-то бывалъ съ нами Ваня. Генрихъ ѣстъ и въ промежуткахъ между ѣдой говоритъ:

— Читали, Жоржъ, что въ „Революціонныхъ Извѣстіяхъ“ пишутъ?

— О чемъ?

— Да о Генераль-Губернаторѣ.

— Нѣтъ, не читалъ.

Онъ возмущенъ и говоритъ горячо:

— Пишутъ о значеніи не только для Москвы, но и для всей Россіи. Я согласенъ: этотъ актъ — переломъ. Теперь увидятъ, какъ мы сильны, поймутъ, что партія побѣдитъ, не можетъ не побѣдить.

Онъ вынимаетъ тонкій листокъ печатной бумаги.

— Вотъ, Жоржъ, прочтите.

Мнѣ скучно слушать его, скучно читать. Я отстраняю бумагу рукой. Я говорю съ неохотой:

— Спрячьте. Не стоить.

— Что вы? Какъ же не стоить? Вѣдь для этого вся работа:

— То есть чья же работа?

— Наша работа, конечно.

— Для газетной статьи?

— Вы смѣтаетесь... Печатное слово необходимо.

Нужна пропаганда террора. Пусть массы поймутъ, пусть идея борьбы проникнетъ въ деревню. Развѣ не такъ?

Мнѣ скучно. Я говорю:

— Бросимъ объ этомъ. Слушайте, Генрихъ, вы, вѣдь, любите Эрну?..

Онъ роняетъ ложку въ тарелку и густо краснѣетъ. Потомъ дрогнувшимъ голосомъ говоритъ:

— Откуда вы знаете?

— Знаю.

Онъ въ смущеньи умолкъ.

— Ну такъ берегите ее... И желаю вамъ счастья.

Онъ встаетъ, долго ходитъ по грязному кабинету. Наконецъ, говоритъ тихо:

— Жоржъ, я вамъ вѣрю. Скажите мнѣ правду.

— Что вамъ сказать?

— А вы не любите Эрну?

Мнѣ смѣшно его хмурое, въ красныхъ пятнахъ лицо. Я громко смѣюсь:

— Я? Люблю Эрну? Что вы? Богъ съ вами.

— И никогда... никогда не любили?

Я говорю раздѣльно и ясно:

— Нѣтъ. Не любилъ.

Его лицо расцвѣтаетъ счастливою улыбкой. Онъ привѣтливо жметъ мнѣ руку.

— Ну, вѣдь. Прощайте.

Онъ быстро уходитъ. Я долго сижу одинъ за грязнымъ столомъ, между грязными тарелками. И вдругъ безудержно смѣшно: я люблю, она любитъ, онъ любитъ... Что за скучная пѣсня.

Я сегодня не видѣлъ Елены. Я ушелъ вечеромъ въ Тиволи. Какъ всегда безстыдно, гремѣлъ оркестръ, пѣли цыгане. Какъ всегда, бродили женщины между столовъ и ихъ платья шуршали шелкомъ. И я, какъ всегда, скучалъ.

За сосѣднимъ столомъ пьяный морской офицеръ. Блеститъ въ стаканахъ вино, вспыхиваютъ бриллианты у дамъ. До меня долетаетъ смѣхъ и безсвязный говоръ. Медленно ходитъ стрѣлка часовъ.

Вдругъ я слышу:

— Что вы скучаете здѣсь?

Офицеръ, шатаясь, протягиваетъ мнѣ стаканъ. У него багровыя щеки и подстриженные усы. Такіе усы носилъ Генералъ-Губернаторъ.

— Какъ вамъ не стыдно скучать... Позвольте представиться: Бергъ... Пойдемте къ намъ, за нашъ столъ... Дамы васъ просятъ...

Я встаю, называю себя:

— Инженеръ Малиновскій.

Мнѣ все равно, гдѣ сидѣть: я лѣнливо сажусь за ихъ столъ. Всѣ смѣются, всѣ чокаются со мной. Плачутъ скрипки, а за окномъ сѣрѣетъ разсвѣтъ.

Вдругъ я слышу, кто-то спросилъ:

— Гдѣ Ивановъ?

— Какой Ивановъ?

— Да полковникъ Ивановъ. Куда дѣвался Ивановъ?

Я вспоминаю: Начальникъ Охраннаго Отдѣленія Ивановъ. Ужъ не его ли зовутъ? Я наклоняюсь къ плечу сосѣда:

бами ихъ берега чертятъ четкія линіи. Влажнымъ дымомъ клубятся фонтаны, молчатъ зеркальныя воды. И надъ ними сонный покой.

Я закрываю глаза: я въ Версали. Я бы хотѣлъ забыть объ Еленѣ, я бы хотѣлъ сегодня покоя. Течеть рѣка жизни. День встаетъ и уходитъ. А я, какъ рабъ на цѣпи, съ моею любовью.

Гдѣ-то вдали ледяная высь. Горы блещутъ лазурью, дѣвственнымъ снѣгомъ. Люди мирно живутъ у ихъ ногъ, мирно любятъ и съ миромъ же умираютъ. Имъ свѣтитъ солнце, ихъ грѣетъ любовь. Но, чтобы жить, какъ они, нужны не гнѣвъ и не мечъ... И я вспоминаю Ваню. Можетъ быть, онъ и правъ, но бѣлыя ризы не для меня: Христосъ не со мной.

16 сентября.

— Милый мой, отчего ты всегда печальный, — говоритъ мнѣ Елена, — развѣ я не люблю тебя? Вотъ смотри, я подарю тебѣ жемчугъ.

Она снимаетъ съ пальца кольцо. Въ золотомъ кольцѣ, какъ слеза, большая жемчужина.

— Береги ее... Это моя любовь.

Она довѣрчиво обнимаетъ меня.

— Ты горюешь, что я тебѣ не жена? О, я знаю: бракъ, — привычка любви, вялая, безъ блеска любовь. А тебя я хочу любить... Я хочу красоты и счастья...

И задумчиво говоритъ еще:

— Почему люди пишутъ разныя буквы, изъ буквъ слагаютъ слова, изъ словъ законы? Этихъ

законовъ библіотеки. Нельзя жить, нельзя любить, нельзя думать. На каждый день есть запретъ... Какъ это смѣшно и глупо... Почему я должна любить одного? Скажи, почему?

И я опять ничего не умѣю отвѣтить.

— Вотъ видишь, Жоржъ, ты молчишь. Ты тоже не знаешь. Развѣ ты никого не любилъ?..

Мнѣ жутко. Да, я любилъ не одну и я никогда не зналъ зачѣмъ пишутъ законы. Она говоритъ мои же слова. Но теперь я въ нихъ чувствую ложь. И я хочу ей объ этомъ сказать, но не смѣю.

У ней тяжелыя, черныя косы. Онѣ упали на плечи. Въ темной рамкѣ кудрей лицо ея блѣдиѣе и тоньше. И глаза ея ждутъ отвѣта.

Я молча цѣлую ее. Я цѣлую ее невинныя руки, ея сильное молодое тѣло. Поцѣлуй мучатъ меня. Вотъ опять замороженная мысль, — мысль о томъ, кто, какъ я, цѣлуетъ ее и кого она любитъ. И я говорю:

— Нѣтъ, слушай, Елена... Или онъ или я...

Она смѣется:

— Вотъ видишь: я раба, а ты господинъ... А если я не хочу выбирать?.. Скажи зачѣмъ выбирать?

За окномъ шумитъ дождь. Въ полутьмѣ я вижу ея силуэтъ, ея большіе, черные ночью, глаза. И я говорю, блѣднѣя:

— Я хочу такъ, Елена.

Она грустно молчитъ.

— Выбери.

— Милый, я не могу...

— Я сказалъ: выбери.

Она быстро встаетъ. Говорить рѣшительно и спокойно:

— Я люблю тебя, Жоржъ. Ты это знаешь. Но я не буду твоей женой никогда.

Она ушла. Я одинъ. Только жемчугъ ея со мною.

17 сентября.

Елена любитъ свое прекрасное тѣло, свою молодую жизнь. Говорять въ этой любви свобода. Мнѣ смѣшно: Пусть Елена раба, а я господинъ, пусть я рабъ, а она свободна... Я твердо знаю одно: я не могу дѣлиться любовью. Я не могу цѣловать, если цѣлуешь другой.

Ваня искалъ Христа, Елена ищетъ свободы. Мнѣ все равно: пусть Христосъ, пусть Антихристъ, пусть Діонисъ. Я не ищу ничего. Я люблю. И въ моей любви мое право.

Вотъ опять багровый цвѣтокъ опьяняетъ меня. Опять свершается тайное колдовство. Я, какъ камень въ пустынь. Но въ рукѣ моей — острый серпъ.

18 сентября

Вчера было то, чего я ждалъ и во что втайнѣ не вѣрилъ. День скорби и поруганья. Я шелъ по Кузнецкому мосту. Ползалъ молочный туманъ, таялъ волнистою мглою

Я шелъ безъ цѣли, безъ мыслей, какъ корабль въ волнахъ безъ руля.

Вдругъ въ туманѣ сгустилось пятно, колыхнулась неясная тѣнь. Прямо навстрѣчу мнѣ быстро шель офицеръ. Онъ взглянулъ на меня и сразу остановился. Я узналъ: мужъ Елены. Я впился глазами въ глаза и въ темныхъ зрачкахъ прочелъ гнѣвъ.

Тогда я мягко взялъ его подъ руку и сказалъ:
— Я ждалъ васъ давно.

Мы молча пошли по Тверской. Мы шли долго во мглѣ и оба знали свой путь. И были близки, какъ братья. Такъ вышли мы въ паркъ.

Въ паркѣ осень. Вѣтви голыя, — рѣшетка тюрьмы. Таесть туманъ, въ туманѣ мокнетъ трава. Пахнетъ гнилью и мохомъ.

Далеко, въ заросшей чащѣ, я выбираю тропинку. Я сажусь на срубленный пенъ и холодно говорю:

— Вы узнали меня?

Онъ молча киваетъ мнѣ головою.

— Вы знаете зачѣмъ я въ Москвѣ?

Онъ киваетъ опять.

— Ну, вы знаете: я не уѣду.

Онъ съ усмѣшкой говоритъ:

— Вы увѣрены въ этомъ?

Увѣренъ ли я? Я не знаю. Кто пойметъ, кого любить Елена. Но я говорю только:

— А вы?

Пауза.

— Вотъ что: вы уѣдете изъ Москвы. Поняли? Вы. Онъ вспыхнулъ гнѣвнымъ румянцемъ. Но говорить хладнокровно:

— Вы — сумасшедшій.

Тогда я, молча, вынимаю оружіе. Я мѣряю восемь

шаговъ по травѣ и кладу на концахъ ихъ мокрые прутья: барьеръ. Онъ слѣдитъ со вниманіемъ. Я кончаю. Онъ говоритъ, улыбаясь:

— Что-жъ, вы хотите драться?

— Я требую: уѣзжайте.

Бѣлокурый и строинный, онъ смотритъ мнѣ прямо въ глаза. И насмѣшливо повторяетъ:

— Вы — сумасшедшій.

— Я говорю, помолчавъ:

— Вы будете драться?

Онъ отстегнулъ кобуру, нехотя вынулъ револьверъ. Потомъ подумалъ минуту и говоритъ:

— Хорошо... Я къ вашимъ услугамъ.

Вотъ онъ уже у барьера. Я знаю: я бью въ туза на десять шаговъ. Промаха быть не можетъ.

Я поднялъ револьверъ. На черной мушкѣ пуговица пальто. Я жду. Тишина. Я говорю очень громко:

— Разъ...

Онъ молчитъ.

— Два и... три.

Онъ стоитъ неподвижно, грудью ко мнѣ. Его револьверъ опущенъ. Онъ насмѣхается надо мной... Вдругъ какой-то горячій и жесткій комокъ сжимаетъ мнѣ горло. Я въ гнѣвѣ кричу:

— Стрѣляйте...

Ни звука. Тогда я медленно, радостно, долго нажимаю курокъ. Желтымъ свѣтомъ сверкнуло пламя, поползъ бѣлый дымъ.

. . . . .
Я пошелъ по мокрой травѣ и наклонился надъ тѣломъ. Онъ лежалъ на тропинкѣ ничкомъ въ

холодной и мягкой грязи. Странно согнулась рука, широко раскинулись ноги. Съяль дождь. Была мгла. Я свернулъ въ чащу лѣса. Уже сумерки набѣжали. Между деревьями — ни зги. Я шель, и не было цѣли. Такъ идетъ корабль безъ руля.

20 сентября.

Въ Цусимскомъ бою безсмысленно гибли люди. Темная ночь, въ морѣ мгла, ходитъ зыбь. Какъ огромный раненый звѣрь, прячется броненосецъ. Чуть чернѣютъ черныя трубы, молчатъ гремѣвшія пушки. Днемъ дрались, ночью бѣгутъ, ждутъ атаки. Сотни глазъ шарятъ тьму. И вдругъ вопль — крикъ испуганной чайки: „Миноносецъ по борту“... Вспыхнулъ прожекторъ, бѣлымъ свѣтомъ ослѣпила ночь. А потомъ... Кто на палубѣ, — кинулся въ море. Кто внутри, за кованой броней, — бьется о люкъ. Медленно тонетъ корабль, уходитъ носомъ подъ воду. Машинисты въ машинѣ кулями срываются внизъ. Ихъ бьютъ желѣзныя цѣпи, крошатъ колеса, душитъ дымъ, обжигаетъ паръ. Такъ гибнутъ они. Безсмысленно-безымянная смерть.

А вотъ смерть еще. Сѣверъ, море, сѣверный штормъ. Вѣтеръ рветъ паруса, взвиваетъ бѣлую пѣну. Въ сѣрыхъ волнахъ рыбацья лодка. Сѣрый день меркнетъ блѣдною зарею. Гдѣ-то вдали загорѣлся маякъ. Красный, бѣлый и снова красный. Люди застыли на скользкомъ носу, вцѣпились въ канаты. Ропщеть волна, брызжетъ дождь... И вдругъ сквозь вой вѣтра — медленный звонъ. У низкаго

борта бьется колоколь на водѣ и звонить. Это бакань. Это мель. Это смерть... И потомъ опять вѣтеръ, небо и волны. Но уже нѣтъ никого.

И смерть еще: я убилъ человѣка... До сихъ поръ я имѣлъ оправданіе: я убиваю во имя террора, для революціи. Тѣ, что топили японцевъ, знали, какъ я: смерть нужна для Россіи. Но вотъ я убилъ для себя. Я захотѣлъ и убилъ. Кто судья? Кто осудить меня? Кто оправдаетъ? Мнѣ смѣшны мои судья, смѣшны ихъ строгіе приговоры. Кто придетъ ко мнѣ и съ вѣрою скажетъ: убить нельзя, не убій. Кто осмѣлится бросить камень? Нѣту грани, нѣту различія. Почему для террора убить — хорошо, для отечества — нужно, для себя — невозможно? Кто мнѣ отвѣтитъ?

Вотъ въ окно глядитъ ночь, я вижу горящія звѣзды. Блещетъ Медвѣдица, струится серебряный Млечный путь, робко сверкають Плеяды. Что за ними?.. Ваня вѣриль. Онъ зналъ. А я стою одинокій и ночь непонятно молчитъ и земля дышетъ тайной, и загадочно мерцають звѣзды. Я прошелъ трудный путь. Гдѣ конецъ? Гдѣ мой заслуженный отдыхъ? Кровь родитъ кровь и месть живетъ мезтью. Я убилъ не только его... Камо пойду и камо бѣгу?

22 сентября.

Сегодня съ утра льетъ дождь, мелкій, осенній. Я смотрю въ его паутинную сѣть и лѣниво, какъ капли, меня тревожатъ скучныя мысли.

Жилъ Ваня и умеръ. Жилъ Федоръ, его убили.

Жиль Генераль-Губернаторъ и его уже нѣтъ... Живуть, умирають, родятся. Живуть, умирають... Хмурится небо, льетъ дождь.

Во мнѣ нѣтъ раскаянія. Да, я убитъ. Во мнѣ нѣтъ горечи за Елену. Будто мой разбойничій выстрѣлъ выжегъ любовь. Мнѣ чужда теперь ея мука. Я не знаю, гдѣ она и что съ нею. Плачетъ она надъ нимъ, надъ своей безпорочной жизнью или уже забыла?? Кого забыла? Меня? Меня и его. Опять его. Мы и теперь съ нимъ скованы цѣпью.

Сѣть дождь, шумить по желѣзнымъ крышамъ. Ваня сказалъ: какъ жить безъ любви? Это Ваня сказалъ, а не я.. Нѣтъ. Я — мастеръ краснаго цеха. Я опять займусь ремесломъ. Изо дня въ день, изъ долгаго часа въ часъ я буду готовить убійство. Я буду украдкой слѣдить, буду жить смертью и однажды сверкнетъ пьяная радость: свершилось—я побѣдилъ. И такъ до висѣлицы, до гроба.

А люди будутъ хвалить, громко радоваться побѣдѣ. Что мнѣ ихъ гнѣвъ, ихъ жалкая радость?..

Молочно-бѣлый туманъ опять обвѣялъ весь городъ. Уныло торчатъ дымовыя трубы, гудитъ на фабрикѣ долгій гудокъ. Ползетъ холодная мгла. Сѣть дождь.

23 сентября.

Христось сказалъ: „не убій“, и ученикъ Его Петръ обнажилъ для убійства мечъ. Христось сказалъ: „любите другъ друга“, и Иуда предалъ Его. Христось сказалъ: „Я пришелъ не судить, но спасти“, и былъ осужденъ.

Двѣ тысячи лѣтъ назадъ Онъ молился въ кровавомъ поту, а ученики Его спали. Двѣ тысячи лѣтъ назадъ народъ одѣлъ его въ багряницу: „возьми и распни Его“. И Пилать сказалъ: „Царя ли вашего распну?“ Но первосвященники отвѣчали: „Нѣтъ у насъ царя кромѣ Кесаря“.

И у насъ нѣтъ царя кромѣ Кесаря. И теперь еще Петръ обнажаетъ мечъ, Анна судить съ Каиафю, Иуда Симоновъ предаетъ. И теперь еще распинають Христа.

Значить Онъ — не лоза, мы — не вѣтви. Значить слово Его — сосудъ глиняный. Значить Ваня не правъ... Бѣдный, любящій Ваня... Онъ искалъ оправданія жизни. Къ чему оправданіе?

Гунны прошли по полямъ, растоптали зеленые всходы. Блѣдный конь ступилъ на траву, завяла трава. Люди слышали Слово — и вотъ поругано Слово.

Ваня съ вѣрой писалъ: „Не мечемъ, а любовью спасется міръ и любовью устроится“. Но вѣдь и Ваня убилъ, „совершилъ тягчайшій грѣхъ противъ людей и Бога“. Если бы я думалъ, какъ онъ, я бы не могъ убить. И, убивъ, не могу думать, какъ онъ.

Вотъ Генрихъ. Для него нѣтъ загадокъ. Міръ, какъ азбука простъ. На одной сторонѣ рабы, на другой — владыки. Рабы встаютъ на владыкъ. Хорошо, когда убиваетъ рабъ. Дурно, когда убиваютъ раба. Будетъ день, рабы побѣдятъ. Тогда, — рай и благовѣсть на землѣ: всѣ равны, всѣ сыты и всѣ свободны.

Я не вѣую въ рай на землѣ, не вѣую въ рай

на небѣ. Я не хочу быть работъ, даже работъ свободнымъ. Вся моя жизнь — борьба. Я не могу не бороться. Но во имя чего я борюсь, — не знаю. Я такъ хочу. И я пью вино цѣльное.

24 сентября.

Я опять нанялъ комнату, живу въ номерахъ: инженеръ Малиновскій. Я живу, какъ хочу, — безъ правилъ взыскательной конспираціи. Мнѣ теперь все равно: пусть полиція ищетъ. Пусть меня арестуютъ.

Вечеръ. Холодно. Надъ новой фабричной трубой обманчивый мѣсяцъ. Лунный свѣтъ струится на крыши, сонно ложится тѣнь. Городъ спитъ. Я не сплю.

Вотъ я думаю объ Еленѣ. Мнѣ странно теперь, что я могъ ее полюбить, могъ убить во имя любви. Я хочу воскресить ее поцѣлуи. Память лжетъ: нѣтъ радости, нѣтъ восторга. Утомленно звучать слова, ласкаютъ лѣниво руки. Какъ вечерній огонь угасла любовь. Снова сумерки, скучная жизнь.

Я спрашиваю себя: зачѣмъ я убилъ? Чего я смертью добился? Да, я вѣрилъ: можно убить. А теперь мнѣ грустно: я убилъ не только его, убилъ и любовь. Такъ грустить печальная осень: осыпается мертвый листъ. Мертвый листъ моихъ утраченныхъ дней.

25 сентября.

Я взялъ сегодня случайно газету. Я прочелъ мелкимъ шрифтомъ, изъ Петербурга:

„Вчера вечеромъ въ гостинницу Грандъ-Отель явилась полиція съ предписаніемъ задержать проживавшую тамъ дворянку Петрову. Въ отвѣтъ на требованіе открыть, за дверью раздался выстрѣлъ. Взломавшими дверь чинами полиціи былъ на полу обнаруженъ еще не остывшій трупъ самоубійцы. Производится слѣдствіе“.

Подъ фамиліей Петровой скрывалась Эрна.

26 сентября.

Я знаю, какъ это было. Ночью, подь утро къ ней постучались. Постучались не громко. Въ комнатѣ было темно и тихо. Она чутко спала и тотчасъ проснулась. Вотъ постучались опять, уже настойчивѣе и громче. Она быстро поправила косы и встала. Не зажигая огня, босикомъ, подошла къ большому столу, направо, у фортепяно. Ощупью, такъ же безшумно, вынула изъ ящика револьверъ. Я самъ подарилъ его ей. Потомъ она начала одѣваться, все еще ощупью, въ темнотѣ. Постучались въ третій, въ послѣдній разъ. Полуодѣтая она ушла, въ уголъ, къ окну. Откинула темную занавѣску. Увидѣла каменный дворъ, сырой и узкій. Вмѣсто звѣздъ — тусклый фонарь внизу... Двери уже ломали. Кто-то мѣрно стучалъ топоромъ. Она повернулась къ дверямъ и сильнымъ, гибкимъ движеніемъ, прижала револьверъ къ груди. Къ голому тѣлу. У сердца, пониже соска. Потомъ она лежала навзничъ въ углу. На коврѣ чернѣлъ револьверъ. И опять было темно и тихо.

А теперь, вотъ сейчасъ, она, какъ живая, стоитъ

у моихъ дверей. Локоны сбились, голубые глаза потухли. Она дрожить хрупкимъ тѣломъ и шепчетъ:

— Жоржъ, ты вѣдь пріѣдешь... Жоржъ...

Я сегодня пойду по Москвѣ. Горятъ кресты на церквахъ. Звонять уныло къ вечернямъ. Въ улицахъ говоръ и шумъ. Все мнѣ близко и чуждо. Вотъ рѣшетка и крестъ. Здѣсь Ваня убилъ. Тамъ въ переулкѣ, внизу умеръ Ѳедоръ. Здѣсь я встрѣтилъ Елену... Въ паркѣ плакала Эрна... Все прошло. Былъ огонь, теперь таетъ дымъ.

27 сентября.

Мнѣ скучно жить. Однозвучно тянутся дни, недѣли, года. Сегодня, какъ завтра и вчера, какъ сегодня. Тотъ же молочный туманъ, тѣ же сѣрые будни. Та же любовь, та же смерть. Жизнь, какъ тѣсная улица: дома старые, низкія, плоскія крыши, фабричныя трубы. Черный лѣсъ каменныхъ трубъ.

Вогъ театръ марионетокъ. Взвился занавѣсъ, мы на сценѣ. Блѣдный Пьерро полюбилъ Пьеретту. Онъ клянется въ вѣчной любви. У Пьерреты женихъ. Хлопаетъ игрушечный пистолеть, льется кровь — красный клюквенный сокъ. Визжитъ за сценой шарманка. Занавѣсъ. Номеръ второй: охота на человека. Онъ — въ шляпѣ съ петушинымъ перомъ, адмиралъ швейцарскаго флота. Мы — въ красныхъ плащахъ и маскахъ. Съ нами Ринальдо ди Ринальдини. Насъ ловятъ карабинеры. Не могутъ поймать. Снова хлопаетъ пистолеть, визжитъ шарман-

ка. Занавѣсь. Номеръ третій. Вотъ Атосъ, Портосъ, Арамисъ. На золоченыхъ камзолахъ брызги вина. Въ рукахъ — картонныя шпаги. Они пьютъ, цѣлуютъ, поютъ, иногда убиваютъ. Кто смѣлѣе Атоса? Сильнѣе Портоса? Лукавѣе Арамиса? Финаль. Шарманка жужжитъ затѣйливый маршъ.

Браво. Раекъ и партеръ довольны. Актеры сдѣлали свое дѣло. Ихъ тащатъ за треуголки, за пѣтушинныя перья, швыряютъ въ ящикъ. Нитки спутались. Гдѣ адмиралъ, Ринальдо, влюбленный Пьерро, — кто разберетъ? Покойной ночи. До завтра.

Сегодня на сценѣ я, Федоръ, Ваня, Генераль-Губернаторъ. Льется кровь. Завтра тащатъ меня. На сценѣ карабинеры. Льется кровь. Черезъ недѣлю опять: адмиралъ, Пьеррета, Пьерро. И льется кровь — клюквенный сокъ.

И люди ищутъ здѣсь смысла? И я ищу звеньевъ цѣпи? И Ваня вѣруеть: Богъ? И Генрихъ вѣритъ: свобода?.. Нѣтъ, конечно, мѣръ проще. Вертится скучная карусель. Люди, какъ мошки летятъ на огонь. Въ огнѣ погибаютъ. Да и не все ли равно?

Мнѣ скучно. Дни опять побѣгутъ за днями. Завизжитъ за сценой шарманка, спасется бѣгствомъ Пьерро. Приходите. Открыть балаганъ.

Помню: позднюю осенью, ночью я былъ на морскомъ берегу. Сонно вздыхало море, лѣниво ползло на берегъ, лѣниво мыло песокъ. Былъ туманъ. Въ бѣлесои, траурной мглѣ таяли грани. Волны сливались съ небомъ, песокъ сливался съ водой. Что то влажное, водное обнимало меня. Я не зналъ гдѣ конецъ, гдѣ начало, гдѣ море и гдѣ земля. Я дышалъ соленою влагою. Я слышалъ шорохъ во-

ды. Ни звѣзды, ни просвѣта. Кругомъ прозрачная мгла.

Такъ и теперь. Нѣтъ черты, нѣтъ конца и начала. Водевиль или драма? Клюквенный сокъ или кровь? Балаганъ или жизнь? Я не знаю. Кто знаетъ?

1 октября.

Я бѣжалъ изъ Москвы. Вчера вечеромъ я пришелъ на вокзалъ, машинально сѣлъ въ поѣздъ. Съ лязгомъ гремятъ буфера, гнутся рессоры. Свиститъ паровозъ. Торопливо въ окнѣ мелькаютъ огни. Торопливо стучатъ колеса.

Въ Петербургѣ осенняя грязь. Хмурится утро. Волны въ Невѣ, какъ свинець. За Невою туманная тѣнь, острый шпигъ: крѣпость.

Въ три часа день потухъ, зажгли фонари. Реветь съ моря вѣтеръ. Бурлитъ въ гранитѣ Нева: наводненье.

Скучно. Въ Москвѣ кресты, въ Петербургѣ солдаты. Монастырь и казарма... Я жду ночи. Ночью мой часъ. Часъ забвенія и мира.

3 октября.

Вчера на Невскомъ я случайно встрѣтилъ Андрея Петровича. Онъ обрадовался, глаза его улыбнулись. Онъ не подходитъ ко мнѣ. Осторожный, онъ идетъ за мной слѣдомъ. Я не хочу его видѣть. Я не хочу говорить о дѣлахъ. Я знаю его слова, благоразумныя поученія. Я ускоряю шаги, ухожу въ переулокъ. Онъ догоняетъ меня.

— Пріѣхали, Жоржъ? Слава Богу.

И крѣпко жметъ мою руку.

— Зайдемте въ трактиръ.

Какъ всегда, хрипитъ разбитый органъ, снуютъ половые. Мнѣ непріятенъ табачный дымъ, крѣпкій запахъ водки, ѣды и пива.

— Мы васъ ждали. Слушайте, Жоржъ.

— Ну?

Онъ таинственно шепчетъ:

— Много работы... Слышали, — Эрну взяли? Она застрѣлилась.

— Ну?

— Нужно поставить дѣло. Мы рѣшили: министръ юстиціи.

Трясется сѣдая бородка, по стариковски мигаютъ глаза. Онъ ждетъ моего отвѣта.

Пауза. Онъ опять говорить:

— Мы рѣшили вамъ поручить. Дѣло трудное: въ Петербургѣ. Но вы справитесь, Жоржъ.

Я слушаю его и не слышу. Кто-то чужой говорить чужія слова. Вотъ онъ зоветъ меня на терроръ, опять на убійство. Я не хочу убивать. Зачѣмъ?

И я говорю:

— Зачѣмъ?

— Что, Жоржъ, зачѣмъ?

— Зачѣмъ убивать?

Онъ не понялъ меня, — наливаетъ стаканъ холодной воды:

— Выпейте. Вы устали.

— Я не усталъ.

— Жоржъ... Что съ вами?

Онъ съ тревогой глядитъ на меня и ласково.

какъ отецъ, гладить мнѣ руку. А я уже знаю: я ни съ нимъ, ни съ Ваней, ни съ Эрной. Я—ни съ кѣмъ.

Я беру свою шляпу.

— Прощайте, Андрей Петровичъ.

— Жоржъ...

— Ну?

— Жоржъ, вы больны: отдохните.

Пауза. Потомъ я медленно говорю:

— Я не усталъ и здоровъ. Но ничего больше дѣлать не буду. Прощайте.

— На улицѣ та-же грязь, за Левой тотъ-же шпигъ. Сыро, сыро и жутко.

4 октября.

Я понялъ: я не хочу больше жить. Мнѣ скучны мои слова, мои мысли, мои желанья. Мнѣ скучны люди, ихъ жизнь. Между ними и мною—предѣлъ. Есть завѣтные рубежи. Мои рубежъ — алый мечъ.

Въ дѣтствѣ я видѣлъ солнце. Оно слѣпило меня, жгло лучистымъ сіяньемъ. Въ дѣтствѣ я зналъ любовь — материнскую ласку. Я невинно любилъ людей, радостно любилъ жизнь. Я не люблю теперь никого. Я не хочу и не умѣю любить. Проклятъ мѣръ и опустѣлъ для меня въ одинъ часъ: все ложь и все суета.

5 октября.

Было желаніе, я былъ въ террорѣ. Я не хочу террора теперь. Зачѣмъ? Для сцены? Для маріонетокъ?

Я вспоминаю: „Кто не любитъ, тотъ не позналъ

Бога, потому что Богъ есть любовь“. Я не люблю, и не знаю Бога. Ваня зналъ. Зналъ-ли онъ?

И еще: „Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“. Во что вѣрить? Кому молиться?... Я не хочу молитвы рабовъ... Пусть Христосъ зажегъ Словомъ свѣтъ. Мнѣ не нужно тихаго свѣта. Пусть любовь спасетъ мѣръ. Мнѣ не нужно любви. Я одинъ. Я уйду изъ скучнаго балагана. И — отвернется на небѣ храмъ, — я скажу и тогда: все суета и ложь.

Сегодня ясный, задумчивый день. Нева сверкаетъ на солнцѣ. Я люблю ея величавую гладь, лоно водъ глубокихъ и тихихъ. Въ морѣ гаснетъ печальный закатъ, горять багряныя зори. Грустно плещетъ волна. Никнутъ ели. Пахнетъ смолой. Когда звѣзды зажгутся, упадетъ осенняя ночь, я скажу мое послѣднее слово: мой револьверъ со мною.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

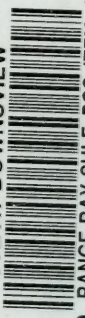
UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3470
S3K6

Savinkov, Boris Viktorovich
Kon Bliednyi

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C